This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG3337
N4Z7925
1878

изданія назначается на образованіе сти-
тъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

НА ПАМЯТЬ

о

НИКОЛАѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ

НЕКРАСОВѢ.

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

М. Лермонтовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія въ Книжномъ магазинѣ С. П. Глазенапа.
Поварской пер. № 15.

1878.

И. А. Шубинъ.

U. A. M.

27 декабря 1877 года, въ 8 час. 50 мин. веч., умеръ Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

НА ПАМЯТЬ

о

НИКОЛАѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ

НЕКРАСОВѢ.

Прибыль съ этого изданія назначается на образованіе стипендіи имени поэта при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 января 1878 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Желая увѣковѣчить память о покойномъ Николаѣ Алексѣевичѣ Некрасовѣ, мы издаемъ этотъ сборникъ, и чистую выручку отъ продажи его предназначаемъ на образованіе капитала для стипендіи имени поэта при С.-Петербургскомъ университетѣ. Помѣщаемъ здѣсь газетныя извѣстія и замѣтки (исключая полемическихъ чисто личнаго характера) о послѣднихъ дняхъ жизни и похоронахъ незабвеннаго поэта, его краткую біографію и небольшую характеристику его пѣсенъ, не принимая на себя никакой нравственной отвѣтственности за выраженныя въ нихъ мнѣнія.

Въ слѣдующемъ выпускѣ, который появится въ свѣтъ въ томъ случаѣ, если публика сочувственно отнесется къ настоящему изданію и нашей задачѣ, будетъ помѣщена подробная біографія поэта, состав-

ленная послѣ тщательной провѣрки всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ источниковъ. Критическій разборъ произведеній Н. А. Некрасова и значеніе поэта въ нашей литературѣ составятъ третій выпускъ.

Прилагаемый портретъ снятъ съ больнаго поэта художникомъ-фотографомъ **В. А. Каррикомъ**, обязательно доставившимъ его для нашего изданія, и нарисованъ молодымъ талантливымъ художникомъ, ученикомъ Императорской Академіи Художествъ, **И. Т. Михайловымъ.**

Расходъ и приходъ по изданію будутъ подробно напечатаны въ русскихъ газетахъ.

С. Глазенапъ.
А. Покровскій.
Н. Соловьевъ-Несмѣловъ.

* * *

оэтъ и гражданинъ, онъ призванъ былъ учить,
Въ лохмотьяхъ нищеты живую душу видѣть,
Самоотверженно страдающихъ любить
И равнодушныхъ ненавидѣть.

Я. П. Полонскій.

(Пчела № 2, 1878).

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ *).

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 22 ноября 1821 г. (по другимъ свѣдѣніямъ годомъ его рожденія считается 1822 годъ) въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ одномъ изъ мѣстечекъ, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ Алексѣй Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, варшавской уроженкѣ. Съ ея семьей отецъ Некрасова познакомился въ Херсонской губерніи, гдѣ Закревскій пріобрѣлъ обширныя помѣстья на извѣстныхъ въ то время правахъ поссесіонера. Оставивъ службу съ чиномъ маіора, отецъ Николая Алексѣевича поселился окончательно въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Грешнево, Ярослав-

*) Этотъ біографическій очеркъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ добавленій и поправокъ, былъ напечатанъ во II томѣ «Русскіе Современные Дѣятели». Свѣдѣнія о дѣтствѣ Некрасова почерпнуты изъ біографіи, помѣщенной въ одномъ изъ томовъ «Русской библіотеки».

ской губерніи, на почтовомъ трактѣ между Ярославлемъ и Костромой. Многочисленное семейство, процессы по имѣнію, хлопоты и заботы нерѣдко ставили главу семейства въ затруднительное положеніе. У Николая Алексѣевича всего было тринадцать братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ теперь въ живыхъ два брата, Константинъ и Федоръ Алексѣевичи, и одна сестра, Анна Алексѣевна.

Въ 1832 году Николай Алексѣевичъ былъ отданъ въ Ярославскую гимназію, гдѣ и оставался до пятаго класса. Проведя свое дѣтство въ деревнѣ, онъ и во время обученія возвращался туда-же при каждомъ удобномъ случаѣ. Одно время отецъ его былъ исправникомъ; онъ любилъ часто скуки ради брать сына Николая въ разъѣзды по дѣламъ службы. Такимъ образомъ, мальчикъ 12 — 13-ти лѣтъ присутствовалъ при различныхъ сценахъ народной жизни, при расправахъ во вкусѣ прежняго времени. Все это производило глубокое впечатлѣніе на ребенка, и рано, въ живыхъ картинахъ, знакомило его съ тогдашними, часто слишкомъ тяжелыми условіями народной жизни. Объ этой порѣ своей жизни Некрасовъ писалъ когда-то:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей...

Отецъ Николая Алексѣевича всегда желалъ, чтобы его сынъ наслѣдовалъ его званіе и поступилъ въ военную службу. Вслѣдствіе того молодой Некрасовъ долженъ

былъ рано оставить гимназію, и въ 1839 году отправился въ Петербургъ для опредѣленія въ тогдашній дворянскій полкъ (теперь Константиновское училище), на Петербургской сторонѣ. Съ этого времени начинается новая, самостоятельная жизнь для Николая Алексѣевича, мальчика тогда 16-ти лѣтъ, безъ родныхъ и друзей, безъ всякой поддержки, въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ... Его разсказы о тогдашней жизни, этой жизни на дешевыхъ квартирахъ, иногда безъ куска хлѣба и ночлега — необыкновенно занимательны и характерны. Вотъ разсказъ, записанный со словъ Николая Алексѣевича г. Суворинымъ и помѣщенный въ одномъ изъ фельетоновъ «Новаго Времени» (№ 380, 20 марта 1877 г.).

«Пріятель отца Николая Алексѣевича, ярославскій прокуроръ Полозовъ, далъ молодому человѣку, отправляющемуся въ Петербургъ, письмо къ своему брату, начальнику III округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, который, въ свою очередь, отрекомендовалъ молодого Некрасова Я. И. Ростовцеву, и дѣло было почти рѣшено. Ростовцевъ принялъ его очень ласково и сказалъ, что въ дворянскій полкъ опредѣлить можно. Въ это же самое время Некрасовъ встрѣтилъ въ Петербургѣ своего ярославскаго товарища Глушицкаго, университетскаго студента, и случайно познакомился съ профессоромъ духовной семинаріи Дм. Ив. Успенскимъ; они возбудили въ немъ такую охоту учиться, что онъ, не долго думая, пришелъ къ Полозову и откровеннно признался его женѣ,

слали за булками, не помню, сколько съѣли два мои товарища, но я съѣлъ все остальное.

— Задолжалъ я солдату на Разъѣзжей 45 р. Стоялъ я у него въ деревянномъ флигелькѣ. Голодъ, холодъ, а тутъ еще горячка. Жильцы посылали меня ко всѣмъ чертямъ. Однако, я выздоровѣлъ, но жить было нечѣмъ, а солдатъ пристаетъ съ деньгами. Я кое-какъ отдѣлываюсь, говорю, что пришлютъ. Разъ онъ приходитъ ко мнѣ и начинаетъ ласково: «Напишите, что вы мнѣ должны 45 р., а въ залогъ оставляете свои вещи». Я былъ радъ и сейчасъ-же удовлетворилъ его просьбу. Ну, думаю себѣ, горе съ плечь долой. Отправляюсь къ пріятелю на Петербургскую сторону и сижу до поздняго вечера. Возвращаюсь домой, вдоволь наговорившись и совершенно увѣренный въ томъ, что солдатъ меня не скоро теперь потревожитъ. Дворникъ пропустилъ меня съ улыбочкою: извольте, молъ, попробуйте идти. Подошелъ я къ флигельку и стучусь.

— Кто вы? спрашиваетъ солдатъ.

— Постоялецъ вашъ, Некрасовъ, отвѣчаю.

— Наши постояльцы всѣ дома, говоритъ солдатъ.

— Какъ, говорю, всѣ дома: я только что пришелъ.

— Напрасно, говоритъ, безпокоились; вы вѣдь отъ квартиры отказались, а вещи въ залогъ оставили...

Что было дѣлать? Пробовалъ бѣдняга браниться, кричать, ничто не помогло. Солдатъ остался непреклоненъ.

Некрасовъ выпилъ полрюмки. Одна старуха постлала ему постель, подложила подъ голову подушечку. Крѣпко и хорошо уснулъ онъ. Когда проснулся, въ комнатѣ никого не было, кромѣ старухи. Она обратилась къ нему: «напиши мнѣ аттестатъ, а то безъ него плохо». Онъ написалъ и получилъ 15 копѣекъ. «Съ ними пошелъ разживаться», сказалъ Некрасовъ.

Такую то жизнь приходилось вести Николаю Алексѣевичу и какъ нужно было бороться съ нуждою, сколько вынести горя и волненій.

Друзья Некрасова—Успенскій и Глушицкій, взяли на себя приготовленіе его къ вступительному экзамену въ университетъ. Къ несчастью, экзаменъ не удался: Николай Алексѣевичъ получилъ единицу у проф. Касторскаго, по географіи, и хотя отлично отвѣчалъ по всѣмъ другимъ предметамъ, чувствовалъ, что изъ физики не можетъ получить отмѣтки выше единицы. А двѣ единицы были препятствіемъ къ поступленію въ университетъ. Въ виду такого печальнаго обстоятельства, Некрасовъ рѣшился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе. Ректоръ обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ Совѣтѣ. На основаніи этого обѣщанія, Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, а вслѣдствіе того въ Совѣтѣ о немъ вовсе не было и рѣчи. Плетневъ при свиданіи убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Сначала Некрасовъ не рѣшался, но

потомъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839 — 1841 годовъ. Некрасовъ поселился на Малой Охтѣ; средства къ жизни приходилось добывать корректурой, уроками и литературными попытками. Еще до поступленія въ университетъ онъ писалъ стихи, и первое его стихотвореніе «Мысль» было напечатано въ 1838 году въ «Сынѣ Отечества». Конечно, деньги, добываемыя подобными трудами, были очень скудны; очень часто приходилось Некрасову вмѣстѣ съ товарищемъ Глушицкимъ и ихъ единственнымъ слугою довольствоваться пятиалтынным въ день.

Въ университетѣ тогда было много студентовъ изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій; эти баловни судьбы не составляли особаго кружка; въ тогдашнихъ университетскихъ товарищескихъ кружкахъ смѣшивались всѣ званія и состоянія. Некрасовъ не только сблизился съ своими знатными товарищами, но первенствовалъ между ними. Это дало ему съ одной стороны возможность близко узнать высшій кругъ, съ другой — это не особенно благотворно повліяло на образъ его жизни. Въ веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ впервые Некрасовъ ознакомился съ обыденною жизнью и нравами высшихъ общественныхъ классовъ, которые были ему извѣстны только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская жизнь и впечатлѣнія дѣтства, не остались безъ вліянія въ будущемъ на поэзію и на самый

характеръ Николая Алексѣевича. Новыя впечатлѣнія столкнулись въ Некрасовѣ съ первыми воспоминаніями изъ деревенской жизни совсѣмъ иного рода, и этотъ контрастъ окончательно опредѣлилъ будущій характеръ его поэзіи. Нужно прибавить еще, что къ этому присоединились лично испытанныя имъ непріятности, вытекающія [illegible]ниженія съ молодежью достаточною, беззаботною и [illegible]щеюся въ то время, когда онъ самъ на каж[illegible] [illegible]лъ много тяжелыхъ лишеній и съ трудомъ добыва[illegible]сокъ насущнаго хлѣба.

Объ уни[illegible]ситетской наукѣ серьезно нечего было и [illegible]умать, а [illegible]ъ болѣе о правильномъ окончаніи курса. [illegible] же способности и наклонности дозволяли Ни[illegible]ьевичу выступить немедленно на арену общественн[illegible] жизни. Еще въ 1839 г. Некрасовъ посылалъ первые свои опыты въ «Литературную Газету», издаваемую тогда Краевскимъ, и въ «Отечественные Записки», а въ 1840 году онъ выпустилъ въ свѣтъ собраніе мелкихъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Мечты и звуки». Бѣлинскій строго отозвался объ этомъ сборникѣ, снисходительно отнеслись къ юному поэту Жуковскій и Полевой въ «Библіотекѣ для чтенія». Впослѣдствіи Некрасовъ усердно скупалъ этотъ сборникъ стихотвореній, залежавшійся на толкучкѣ у букинистовъ до конца пятидесятыхъ годовъ, и истреблялъ его, такъ что едвали можно найдти экземпляры этой крайне странной книги гдѣ нибудь, кромѣ публичной библіотеки. Въ 1841 году

Некрасовъ оставилъ совсѣмъ университетскія лекціи и тогда для него открылась новая школа въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ, продолжавшаяся пять лѣтъ (1841 — 1846). Болѣе всего былъ обязанъ Некрасовъ своими позднѣйшими взглядами и своимъ направленіемъ нашему великому критику. Бѣлинскій такъ повліялъ на Некрасова, что въ произведеніяхъ послѣдняго сразу зазвучали новыя струны послѣ сближенія съ Бѣлинскимъ. Наконецъ въ 1847 г. Николай Алексѣевичъ выступилъ на журнальное поприще: вмѣстѣ съ Панаевымъ онъ пріобрѣлъ у П. А. Плетнева издательское право на «Современникъ», основанный въ 1836 г. Пушкинымъ. Этотъ періодъ литературной школы можно считать опредѣляющимъ въ жизни Николая Алексѣевича и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ тяжелымъ въ матеріальномъ отношеніи. Подъ гнетомъ нужды онъ пробовалъ свои силы всячески: даже писалъ водевили для Александринскаго театра, подъ псевдонимомъ Перепельскаго въ сотрудничествѣ съ бездарнѣйшими господами; Некрасовъ предпринималъ различныя изданія: въ 1845 г. вышла его «Физіологія Петербурга», въ 1845 г. имъ изданъ былъ «Петербургскій сборникъ». Въ этотъ періодъ завязались у Некрасова тѣ литературныя связи, которыми опредѣлилась его дальнѣйшая журнальная дѣятельность и ея характеръ. При этомъ, какъ мы сказали, существенное мѣсто принадлежало вліянію Бѣлинскаго.

Въ одномъ изъ своихъ «Дневниковъ» (Дневникъ Пи-

сателя. Январь, 1877) Ѳ. М. Достоевскій разсказываетъ характерный случай изъ жизни Некрасова, относящійся именно къ этому періоду.

«Кончивъ первую мою повѣсть («Бѣдные люди»), я не зналъ, какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не писалъ, кромѣ одной маленькой статейки въ одинъ сборникъ. Онъ тогда жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: «принесите рукопись» (самъ онъ еще не читалъ ее): «Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу». Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ съ моимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова». За тѣмъ, вечеромъ того-же дня, когда отдалъ рукопись, Ѳ. М. Достоевскій пошелъ куда-то далеко къ одному изъ товарищей. Они всю ночь говорили о «Мертвыхъ душахъ» и читали ихъ чуть-ли не сотый разъ. «Воротился я домой уже въ четыре часа,— говоритъ Достоевскій, — въ бѣлую, свѣтлую, какъ днемъ, петербургскую ночь. Стояло прекрасное, теплое время, и войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у него. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились

рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли у нея всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. «Читаетъ онъ про смерть студента», передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ, — и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: «ахъ, чтобъ его!» Это про васъ-то, и этакъ мы всю ночь». Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: «что-жь такое, что спитъ, мы разбудимъ его, *это* выше сна!» Просидѣли они у него полчаса, говорили о всемъ, и о поэзіи, и о Гоголѣ, и о тогдашнемъ положеніи, а главное о Бѣлинскомъ. «Я ему сегодня-же снесу вашу повѣсть, говорилъ Некрасовъ, — и вы увидите, да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа».

Съ 1847 года начинается періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, которая, за небольшимъ перерывомъ (1866 67 гг.), продолжалась до настоящаго времени, въ теченіи тридцати лѣтъ: съ 1847 г. по 1866 г. въ «Современникѣ», и съ 1868 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этомъ періодѣ жизнь его тѣсно связана съ исторіею упомянутыхъ журналовъ, въ которыхъ онъ помѣщалъ всѣ свои произведенія этой эпохи и которымъ

онъ давалъ направленіе. Некрасовъ, какъ умный и дальновидный человѣкъ, отличался умѣньемъ привлекать къ своимъ журналамъ лучшія силы. Журнальная и поэтическая дѣятельность Некрасова продолжалась до самой смерти. Не смотря на тяжелый недугъ, длившійся слишкомъ два года и сопровождавшійся страшными мученіями, Некрасовъ работалъ: писалъ, слѣдилъ за журналомъ, слѣдилъ за литературою. Поэтъ принадлежалъ къ тому поколѣнію писателей, которые любили горячо литературу и гордились званіемъ писателей.

Еще въ 1854 году Николай Алексѣевичъ писалъ про себя.

Праздникъ жизни — молодости годы —
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни—не былъ никогда.

Изъ приведенныхъ выше біографическихъ данныхъ легко убѣдиться, что поэтъ какъ нельзя лучше въ этихъ словахъ охарактеризовалъ «молодости годы», которые онъ провелъ дѣйствительно въ постоянномъ трудѣ, оплачивающемся весьма плохо. Но какъ ни приходилось ему плохо, онъ все-таки остался писателемъ, и только писателемъ, и если сожалѣлъ о чемъ, такъ о томъ, что у него не достаетъ силы таланта, что многое выходитъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось. Эта мысль постоянно слышится и въ его произведеніяхъ:

Я не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая теплится любовь. —
Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

Не будемъ указывать на каждое произведеніе Николая Алексѣевича отдѣльно; имя его принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ въ Россіи, а стихотворенія его читаются всѣми. Критическая-же оцѣнка въ бѣгломъ біографическомъ очеркѣ—невозможна. Послѣднее полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова вышло въ 1873—74 г. и составило шесть частей, въ трехъ томахъ; въ прошломъ году къ этому собранію присоединилась особая книга, подъ заглавіемъ: «Послѣднія пѣсни Н. А. Некрасова, 1874—1877 годовъ».

А. Михайловъ.

Болѣзнь и послѣдніе дни жизни Н. А. Некрасова.

Считаю своимъ долгомъ, въ виду огромнаго интереса, который питала русская публика къ своему поэту, сообщить краткія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ продолжительныхъ страданій Н. А. Некрасова; присовокупляю, что не меньшимъ долгомъ для себя считаю со временемъ опубликовать подробную исторію его болѣзни. Операція, сдѣланная 12-го апрѣля нынѣшняго года, спасла Некрасова отъ неминуемо угрожавшей смерти, въ нѣкоторой степени облегчила его страданія и продлила существованіе на восемь съ половиною мѣсяцевъ, хотя существованіе это оставалось далеко незавидным. Большую часть дня онъ продолжалъ проводить въ постели, но все-таки вставалъ по нѣскольку разъ въ день, сидѣлъ ежедневно часа по два за чтеніемъ газетъ и журналовъ и

видимо интересовался событіями общественной и литературной жизни. Но въ общемъ значительнаго улучшенія не было и это вліяло на нравственное состояніе его духа. Около же 20-го ноября стали появляться приступы изнурительной лихорадки съ небольшими ознобами и потами, но настолько не рѣзкими, что больной не измѣнялъ обычный распорядокъ своего дня, хотя его крайнее исхуданіе и слабость еще замѣтно усилились за это время. Такъ продолжалось до 14-го декабря; въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера, онъ всталъ съ кровати и перешелъ въ столовую, чтобъ посидѣть и пить чай, но съ первымъ же глоткомъ съ нимъ сдѣлался потрясающій ознобъ; его тотчасъ же перевели и уложили въ постель; ознобъ продолжался около четверти часа и подъ исходъ его началась рвота, во время которой, безъ видимой потери сознанія, онъ сталъ несвязно говорить и затѣмъ лишился употребленія правой руки и ноги. Когда черезъ полчаса я пришелъ къ нему, то нашелъ его въ видимо возбужденномъ состояніи, какъ бы подъ вліяніемъ страха; тѣмъ не менѣе онъ удивился, увидавъ меня въ неположенное время, и прежде всего сказалъ; «зачѣмъ это васъ тревожили?» Затѣмъ менѣе ясно сталъ жаловаться на чай съ лимономъ, который онъ пилъ, говорилъ, что было кисло и что это возбудило въ немъ рвоту. Рвота при мнѣ была уже нѣсколько тише, а къ утру подъ вліяніемъ холоднаго шампанскаго почти совсѣмъ прекратилась. Всю ночь онъ провелъ безпокойно, но не произнесъ ни

одного слова, такъ что окружающіе думали, что онъ лишился совсѣмъ языка, но когда я пришелъ утромъ, то онъ сталъ просить, чтобы его подняли съ постели, надѣли на него сапоги и поводили его по комнатѣ. Въ виду неотступныхъ просьбъ, ему помогли подняться, и, опираясь на двухъ человѣкъ, онъ два раза прошелся по комнатѣ, волоча правую ногу и, очевидно, не понимая происшедшей съ нимъ перемѣны и только постоянно повторяя одну и туже фразу: «ну, что это?» Затѣмъ его уложили, и съ этого времени онъ уже болѣе не вставалъ съ постели, хотя параличныя явленія обнаружили быструю наклонность къ улучшенью: рѣчь стала гораздо чище, движеніе въ ногѣ возстановлялось все болѣе и болѣе, только правая рука оставалась до конца жизни совершенно парализована. Съ этого же дня больной постепенно все ослабѣвалъ, очень мало ѣлъ, но много страдалъ отъ жажды и разныхъ болей, преимущественно въ лѣвой ногѣ, на которой стали появляться ограниченные инфильтраты въ клѣтчаткѣ, особенно на бедрѣ. 26-го декабря слабость достигла крайнихъ предѣловъ, рѣчь стала менѣе внятной и односложной, глотанье затруднительнымъ; около 5 часовъ этого дня у больнаго явилось какъ бы желаніе проститься съ окружающими: онъ каждаго изъ нихъ подозвалъ къ себѣ и произнесъ какое-то односложное слово, какъ бы «простите». Часа черезъ три послѣ этого я нашелъ его уже въ начавшейся агоніи, которая развивалась въ теченіи всего 27-го числа. Эти послѣднія

сутки тѣло его оставалось совершенно неподвижнымъ: мышцы лица не выражали никакого признака страданія и какъ-бы застыли, равно и самый взглядъ, не фиксировавшій уже предметовъ; работала только грудная клѣтка, и лѣвая рука все время находилась въ постоянномъ движеніи; онъ то поднималъ ее къ головѣ, то подносилъ къ губамъ, то клалъ на грудь. Такъ было еще въ 5 час. вечера, но когда я пріѣхалъ три часа спустя, то эти движенія руки уже прекратились, пульсъ почти изчезъ, дыханье стало нѣсколько рѣже и шумнѣе, и такъ продолжалось до самаго конца, передъ которымъ вылетѣлъ легкій, короткій хрипъ изъ груди,—и въ 8 час. 50 минутъ Некрасова не стало.

Вскрытіе, произведенное профессоромъ Груберомъ, ограничилось, къ сожалѣнію, только брюшной полостью; результатъ его—эпителіальный ракъ средней части прямой кишки, изъязвленіе ея, нагноенье въ клѣтчаткѣ и прохожденье гноя черезъ большую сѣдалищную дыру на бедро; сращеніе прямой кишки какъ съ пузыремъ, такъ и съ крестцовой костью и поверхностная костоѣда послѣдней.

Д-ръ **Н. Бѣлоголовый.**

(Нов. Время 1877 г. № 661).

Похороны Н. А. Некрасова.

екабря 30 происходили похороны Н. А. Некрасова. Эти похороны отличались необыкновеннымъ характеромъ: едва ли когда либо и кто-либо изъ русскихъ литературныхъ дѣятелей былъ почтенъ такимъ живымъ и знаменательнымъ сочувствіемъ общества при проводахъ его въ послѣдній пріютъ. Громадная толпа, по крайней мѣрѣ въ три-четыре тысячи человѣкъ, сопровождала гробъ поэта, который до самаго кладбища былъ несенъ на рукахъ. Большая часть этой толпы состояла изъ учащейся молодежи и литераторовъ. Всѣ наличныя литературныя силы были тутъ, начиная отъ сверстниковъ поэта, заслуженныхъ и извѣстныхъ писателей, и кончая начинающими дарованіями. Кромѣ того множество почитателей и поклонниковъ покойнаго положительно всѣхъ званій и всякаго состоянія, не исключая и простыхъ кре-

стьянъ, шли за гробомъ «народнаго» поэта. По увѣренію старожиловъ, подобная многолюдная процессія была только на похоронахъ Крылова. Впереди гроба несли нѣсколько вѣнковъ съ разными надписями. Дубовый гробъ съ золотымъ позументомъ былъ украшенъ цвѣтами и зеленью. За гробомъ ѣхалъ траурный катафалкъ съ малиновымъ балдахиномъ и затѣмъ длинная вереница экипажей заканчивала торжественное шествіе. У каждой церкви, по пути къ кладбищу, служили литіи. Во все время дороги многочисленный хоръ провожавшихъ безпрерывно пѣлъ «Святый Боже». Похоронное шествіе продолжалось три часа. Большой соборъ Новодѣвичьяго монастыря былъ полонъ народомъ. На монастырскомъ кладбищѣ, у могилы, готовой принять бренные останки поэта, дожидалась огромная сплошная масса: повсюду виднѣлись люди, на окрестныхъ памятникахъ, на оградѣ кладбища. Отпѣваніе совершалось при двухъ хорахъ. Во время отпѣванія въ церкви, отецъ Горчаковъ сказалъ прочувствованное слово. Онъ характеризировалъ поэзію Некрасова, какъ народную, какъ поэзію народныхъ страданій. Но поэтъ говорилъ о страданіяхъ не какого-нибудь класса народа, сословія или кружка, а о страданіяхъ насъ всѣхъ, безъ различія сословій, состояній, пола, возраста. Потому-то онъ истинно народный поэтъ. Пѣсни его не отличались отчаяніемъ, въ нихъ не звучала струна безнадежности, а напротивъ, онѣ исполнены были вѣры и надежды. Мы находили въ нихъ не только отголоски своего горя, своей печали, но почер-

пали въ нихъ силу, которая насъ поддерживала этой вѣрой и надеждой. Все, чего коснулся покойный, все это выражено въ неумирающихъ образахъ и глубоко прочувствованныхъ строфахъ. Поэтъ не забылъ и нашу церковь, и ей, нашей народной святынѣ, онъ посвятилъ глубокія строфы. Отецъ Горчаковъ прочелъ вслѣдъ за тѣмъ отрывки изъ стихотворенія «Рыцарь на часъ», какъ извѣстно, одного изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ задушевныхъ. Рѣчь прослушана была съ глубокимъ вниманіемъ.

Затѣмъ настали минуты послѣдняго прощанія, и гробъ, колыхаясь надъ волновавшеюся толпою, тихо подвигался къ дверямъ. Мы были на хорахъ. Открытый ротъ покойнаго, глубоко впавшіе глаза, казавшіеся сверху открытыми, производили тяжелое впечатлѣніе: точно живой страдалецъ лежалъ въ гробу.

Гробъ былъ принесенъ къ могилѣ открытымъ. Нѣкоторыми изъ присутствующихъ друзей поэта, литераторовъ и студентовъ были произнесены у гроба рѣчи. Первымъ говорилъ г. Панаевъ, близко знавшій покойнаго. Затѣмъ Ѳ. М. Достоевскій. Въ рѣчахъ того и другого были высказаны глубоко теплые отзывы какъ о великомъ значеніи покойнаго въ русской поэзіи, такъ и о его многолюбящемъ сердцѣ, отзывавшемся на горе и страданія угнетенныхъ. Рѣчи молодыхъ людей были переполнены восторженнымъ почтеніемъ и энтузіазмомъ къ поэту. Всѣ присутствующіе отзывались живымъ сочувствіемъ на слова

ораторовъ, выражавшемся въ искреннихъ возгласахъ одобренія. Были читаны и стихи...

Уже и послѣ того, какъ могила была зарыта, долго-долго не расходилась толпа, словно ей жалко было разстаться съ любимымъ своимъ пѣвцомъ, взятымъ холодною землею...

(Новое Время 1877 г № 661).

Надъ могилою Некрасова.

(30 декабря 1877 года.)

Онъ умеръ, нашъ поэтъ!... Надъ свѣжею могилой
Собрались тысячи, и мысль у всѣхъ одна:
Намъ жаль тебя, пѣвецъ Россіи нашей милой,
Да жаль намъ и тебя, родная сторона!...

* * *

Не много у тебя, Россія, пѣсень было
Такихъ, что всѣ твердятъ, что будятъ умъ и кровь,
Что проповѣдуютъ всеобщую любовь...
И вотъ погибъ одинъ, чьи пѣсни ты твердила...

* * *

Мы знаемъ пѣсни тѣ—взросли мы, ихъ читая,
Мы выростимъ на нихъ и нашихъ сыновей;
И вспыхнетъ въ ихъ сердцахъ любовь къ труду святая,
Къ богатой будущимъ родной землѣ своей!...

* * *

мелкая, завистливая клевета, которая ходитъ осторожно и уязвляетъ изъ-за угла, — ничто уже не дойдетъ до слуха мертвыхъ, и будутъ они спать подъ говоръ новой жизни, подъ шопотъ самонадѣянныхъ стремленій, подъ гулъ великихъ дерзаній, великихъ подлостей и громкихъ паденій...

О, успокойтесь и не глядите слишкомъ гордо: жизнь— это такая трёпка, которая очищаетъ человѣка, но очищаетъ его часто, какъ очищаются волокны льна отъ кострики, дѣлая его до того тонкимъ, слабымъ и податливымъ, что онъ вытягивается въ стройную нитку въ рукахъ любой бабы и идетъ ровно въ ткацкомъ станкѣ жизни...

И у сходящаго со сцены поколѣнія, къ которому и мы имѣемъ честь принадлежать, блестѣли взоры пламенемъ, и у насъ билось сердце, и мы были исполнены великихъ дерзаній и готовы были творить людей по образу своему и подобію. Мы—сила и власть, и стѣны должны были расшибаться подъ ударомъ нашего кулака, и всякія преданія, весь этотъ старый и дряхлый міръ долженъ былъ разлетѣться подъ бурнымъ дыханіемъ нашимъ, подъ напоромъ нашего ума, нашихъ знаній, отваги нашихъ сердецъ.

И долгія, безсонныя ночи, безсонныя ночи юности мы мучились подъ тяжестью своихъ замысловъ, негодовали, кипѣли злобой, и воображеніе работало неутомимо, страстно, безъ оглядки...

А жизнь шла своей чередой, и исторія не ломалась на двое. Напротивъ, она ступала себѣ своимъ мѣрнымъ и вѣрнымъ шагомъ, отряхая старую пыль, освѣжая воздухъ, перемалывая и бурныя стремленія, и дикія выходки, и бившія черезъ край желанія, и незнавшія удержу страсти, и характеры, весь образъ божій—человѣка...

И этотъ человѣкъ, котораго сегодня покрыли цвѣтами и землей, какую вынесъ онъ трепку!

Боже мой, какая богатая жизнь, какой желѣзный характеръ, какой огромный умъ! Я не буду говорить о немъ, какъ о поэтѣ—кто не знаетъ его пѣсенъ, кто не проникался ими, кто не чувствовалъ себя подъ вліяніемъ ихъ лучшимъ, благороднымъ, очищеннымъ отъ пыли самодовольства и равнодушія? Тихо сложилъ крылья геній печали и улетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ, наполнивъ воздухъ звуками своихъ не ровныхъ, иногда дребезжащихъ, но сильныхъ, захватывающихъ пѣсенъ, исполненныхъ не столько местью, сколько любовью и горькимъ чувствомъ.

Его молодость, всѣ муки ея — въ этихъ пѣсняхъ. Я говорилъ объ этой молодости въ прошломъ мартѣ (№ 380 «Новаго Времени»). Некрасовъ выбивался одинъ, безъ всякой опоры, писалъ стихи, повѣсти, водевили, рецензіи, всякій вздоръ, голодалъ и холодалъ, насмотрѣлся бѣдности и испыталъ ее, насмотрѣлся всякаго насилія еще мальчикомъ, когда онъ съ отцомъ своимъ исправникомъ присутствовалъ иногда при расправахъ и когда тя-

желый произволъ лежалъ и на самыхъ близкихъ къ нему лицахъ:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой,
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.

Это не изъ Лавры, какъ обозначено въ книгѣ стихотвореній Некрасова, а изъ собственной, наболѣвшей души поэта, изъ которой такъ часто вырывались искренніе, глубокіе звуки.

Но это былъ не изъ тѣхъ, кого судьба можетъ взять въ охапку и бросить, куда хочетъ. Нѣтъ, это былъ прежде всего человѣкъ замѣчательнаго ума. Не зная ни одного иностраннаго языка, почти ни одного иностраннаго слова, получивъ отрывочное, кое-какое образованіе, не кончивъ нигдѣ курса, даже въ гимназіи, онъ быстро все схватывалъ и не только не терялся среди образованныхъ, развитыхъ научно молодыхъ людей сороковыхъ годовъ, но сталъ между ними, какъ нѣчто очень оригинальное, самобытное, крѣпкое, поражавшее знаніемъ людей и жизни вообще. Дѣйствительно онъ зналъ ее ближе и лучше,

чѣмъ Бѣлинскій, Тургеневъ и многіе другіе, съ которыми судьба его сталкивала. Не даромъ онъ прожилъ на лонѣ крѣпостнаго права, не даромъ голодалъ и холодалъ, сходился со всякимъ людомъ, брался за всякое писанье. Онъ смѣло шелъ въ жизни. Попалъ въ кругъ артистовъ — и началъ писать пьесы для театра, то передѣлывая, то сочиняя. Сочинилъ онъ «Похожденія Столбикова» въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, «но, говорилъ онъ, прологъ и эпилогъ не спасли пьесы». За то огромный успѣхъ имѣла «Шила въ мѣшкѣ не утаишь, дѣвушки подъ замкомъ не удержишь».

— Первый актъ только сочинилъ я, говорилъ онъ мнѣ, а второй выкралъ почти цѣликомъ изъ Нарѣжнаго, и этотъ актъ и имѣлъ особенный успѣхъ.

Но отличаясь отъ всѣхъ своимъ знаніемъ жизни, онъ былъ полонъ идеализма, полонъ высокихъ стремленій. Иначе это и не могло быть: еслибъ это была практическая, умная натура, думавшая только о томъ, чтобы найдтись среди людей, занять между ними хорошее мѣсто, составить себѣ состояніе — откуда она, эта зачерствѣвшая натура, нашла бы столько чувства, столько силы негодованія, откуда бы она почерпнула тѣ поистинѣ мощныя и до слезъ трогающія строфы, которыя мы находимъ въ «Родинѣ», въ «Тишинѣ» и во многихъ другихъ пьесахъ? Человѣкъ, у котораго не былъ бы глубокій родникъ лучшихъ человѣческихъ стремленій, человѣкъ, у котораго не было бы нѣжной, любящей души, не вырвалъ бы изъ

нея ничего, кромѣ дѣланныхъ, напыщенныхъ и звонкихъ фразъ...

Однажды, разсказывая мнѣ разные анекдоты изъ своей жизни, рисуя ту бѣдность, которую онъ видѣлъ, то нахальство непомѣрное, съ какимъ эксплоатировался всякій трудъ и литературный въ особенности, потому что тутъ также эксплоатировался и талантъ, рисуя умственную ничтожность тѣхъ людей, которые являлись наилучшими піявками, онъ сказалъ:

— Я далъ себѣ слово не умереть на чердакѣ. Нѣтъ, думалъ я, будетъ и тѣхъ, которые погибли прежде меня,—я пробьюсь во что бы то ни стало. Лучше по владиміркѣ пойдти, чѣмъ околѣвать безпомощнымъ, забитымъ и забытымъ всѣми. И днемъ, и ночью эта мысль меня преслѣдовала, отъ нервнаго волненія я подпрыгивалъ на своей кровати, и голова горѣла, какъ въ горячкѣ. Я мучился той внутренней борьбою, которая во мнѣ происходила: душа говорила одно, а жизнь совсѣмъ другое. И идеализма было у меня пропасть, того идеализма, который въ разрѣзъ шелъ съ жизнью, и я сталъ убивать его въ себѣ и стараться развить въ себѣ практическую смѣтку. Идеалисты сердили меня, жизнь мимо ихъ проходила, они въ ней ровно ничего не смыслили, они всѣ были въ мечтахъ, и всѣ ихъ эксплоатировали. Я рѣдко говорилъ въ ихъ обществѣ, но когда напивался вмѣстѣ съ ними — на это всѣ мастера были — я начиналъ говорить противъ этого идеализма съ страшнымъ

цинизмомъ, съ такимъ цинизмомъ, который просто пугалъ ихъ. Я все отрицалъ, всѣ самыя благородныя стремленія и проповѣдывалъ жестокій эгоизмъ и древнее правило—око за око, зубъ за зубъ. Пускай ихъ! Когда, на другой день, проспавшись, я вспоминалъ свои рѣчи, то самъ удивлялся своей смѣлости и пропасти цинизма...

Я ручаюсь за подлинность этихъ словъ, которыя вѣроятно не мнѣ одному случалось слышать изъ устъ Некрасова. Одинъ очень извѣстный писатель, упивавшійся идеализмомъ и находившійся въ дни своей юности въ дружескихъ отношеніяхъ къ почившему поэту, не далѣе какъ четыре года тому назадъ передавалъ мнѣ съ негодованіемъ о томъ цинизмѣ, съ которымъ говорилъ Некрасовъ о самыхъ священныхъ для каждаго человѣка отношеніяхъ. Онъ очевидно принималъ и тогда и принимаетъ теперь все это за чистую монету, за настоящія стремленія, которыя таились въ глубинѣ молодого Некрасова, бывшаго тогда на три года моложе чистаго и богатаго идеалиста. Но этотъ цинизмъ былъ крикомъ сильной натуры, которая искала выхода изъ борьбы, протестомъ сильнаго, но не образованнаго ума, который ясно видѣлъ людскія отношенія, ясно понималъ ихъ и хотѣлъ образумить идеалистовъ, которые поддавались стрижкѣ со слезами, глубоко схороненными въ груди въ то время, когда уста ихъ старались дѣлать пріятную улыбку. Огромный умъ Некрасова, воспитанный прямо и почти только на одной жизни, противился теоретическимъ пред-

ставленіямъ, расплывшимся въ широко-вѣщательныя рѣчи, въ самосозерцаніе, въ благоговѣніе передъ «прекраснодушіемъ» и становился во вражду съ теоріей тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше въ самомъ себѣ онъ находилъ того же идеализма. Русскій человѣкъ до мозга костей, доказавшій страстными строфами о родинѣ, какъ онъ ее любитъ, какъ онъ ей преданъ, Некрасовъ былъ типическимъ представителемъ великорусскаго племени и типическимъ, оригинальнымъ русскимъ поэтомъ. Своя русская, жизненная философія жила въ немъ и давала о себѣ знать уже юношѣ, прошедшему жизненную школу. Онъ выросъ въ большого человѣка, на столько большого, что, говоря о немъ, слѣдуетъ не руководствоваться теоріей умолчанія; этотъ характеръ былъ вовсе не такой простой и такой обыденный, какъ это казалось и кажется инымъ нашимъ соотечественникамъ и судить о немъ невозможно по обыкновенной мѣркѣ.

«Большой практикъ онъ былъ», говорятъ о немъ, «и стихи иногда хорошіе писалъ, и въ карты игралъ отлично. У него все это вмѣстѣ». (Передаю это въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ говорилось о немъ иногда).

Какъ это просто, въ самомъ дѣлѣ и какъ легко бросить камнемъ въ человѣка? Но если вы вспомните, что онъ не клялся, не просилъ, не заискивалъ, что онъ искалъ только независимости и искалъ исключительно своими силами, что онъ готовъ былъ скорѣе чортъ знаетъ надъ чѣмъ трудиться, чѣмъ одолжаться даже отцомъ

своимъ и просить у него помощи, если вы вспомните, какъ и что цѣнило тогда общество, какъ трудно было пролѣзть впередъ на литературномъ поприщѣ, не сдѣлавшись «покорнѣйшимъ», «преданнѣйшимъ» слугою, холопомъ, изъ котораго выжмутъ весь сокъ и бросятъ околѣвать на чердакѣ или на мостовой, или въ больницѣ, подвергая всѣмъ униженіямъ его истлѣвшую, изстрадавшуюся душу, заставляя ее терпѣть незаслуженныя муки и биться въ безсильной ярости до послѣдняго издыханія, если все это вы представите себѣ—вы поймете, что долженъ былъ чувствовать умный и даровитый человѣкъ, чувствовавшій въ себѣ силу для борьбы.

«Я поклялся не умереть на чердакѣ, я убивалъ въ себѣ идеализмъ, я развивалъ въ себѣ практическую сметку». Вы найдете много людей большею частью, впрочемъ, ординарныхъ, посредственныхъ, безъ ума и таланта, которые возмутятся этимъ и дадутъ вамъ понять, что они идеальнѣе смотрятъ на жизнь, что они честнѣе отдаются ей. Но присмотритесь поближе въ этихъ «честныхъ» людей и вы увидите, что имъ бабушка ворожитъ, что они сплошь и рядомъ совершаютъ маленькія подлости, даже не замѣчая этого, что жизнь ихъ исполнена милліономъ сдѣлокъ, ловко объясняемыхъ даже либеральной теоріей, что они фыркаютъ своей независимостью, а не исповѣдаютъ ее, что они съ воспаленными глазами говорятъ о вашей подлости единственно потому, что своей не понимаютъ и не стараются вникнуть въ смыслъ ва-

шихъ поступковъ, который иногда разумнѣе и выше смысла самой патентованной «честности».

Я не могу говорить все, что знаю о покойномъ, что слышалъ отъ него не однажды: не условія приличій мнѣ мѣшаютъ, а условія времени. Скажу только одно, что фырканье своей независимостью, т. е. проявленіе ея рѣзкими чертами, быть можетъ, имѣетъ свою цѣну; во всякомъ случаѣ для этого требуется нѣкоторая смѣлость, но постоянное отстаиваніе своей независимости, исканіе ея съ уступками, конечно, но исканіе ея во что бы то ни стало, въ теченіе цѣлой жизни со стороны такого умнаго человѣка, какимъ былъ Некрасовъ, безспорно принесло ему и всей литературѣ огромную пользу. Онъ дѣлалъ ошибки и проступки, какъ всякій человѣкъ, быть можетъ большіе, чѣмъ всякій человѣкъ, но о нихъ должно судить въ связи со всѣмъ нашимъ развитіемъ, въ связи съ тѣми рѣзкими переходами отъ одного вѣтра къ другому, какими такъ полна была наша жизнь въ послѣдніе сорокъ лѣтъ. Проживите ее и оставьте по себѣ такіе слѣды, тогда вамъ и книги въ руки.

Мнѣ кажется, что поэтъ и человѣкъ въ Некрасовѣ идутъ вмѣстѣ и неразлучно, и онъ такой именно поэтъ, потому что былъ такимъ именно человѣкомъ, какимъ мы его знали. Некрасовъ идеалистъ, Некрасовъ мечтатель, Некрасовъ сломленный судьбою, Некрасовъ терпѣливо выжидающій случая, ждущій у моря погоды, отличающійся всевозможными добродѣтелями, пылающій при всякомъ

случаѣ благородствомъ и самоотверженіемъ, такой Некрасовъ не былъ бы поэтомъ «мести и печали», не слышалось бы въ его поэзіи того, о чемъ самъ онъ говоритъ, что въ ней «кипитъ живая кровь».

Торжествуетъ мстительное чувство,
Дорогая теплится любовь,—
Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца...

Не геній Пушкина и Лермонтова сидѣлъ въ немъ, тотъ геній, который самъ творитъ почти изъ ничего, который откликается на все, глубокій и разнообразный, какъ природа. Талантъ Некрасова однообразнѣе, меньше, и не будь онъ такъ уменъ, не пройди онъ той школы, которую прошелъ, не испытай на самомъ себѣ, не прочувствуй на практикѣ, если можно такъ выразиться, всѣхъ тѣхъ мотивовъ, которые служили предметомъ его поэзіи, онъ по всей вѣроятности, не былъ бы пѣвцомъ народнаго горя и народной силы, не такъ трепетала бы въ его поэзіи эта звенящая, надрывающая душу страна. Каторжная борьба съ жизнью, погоня за независимостью на томъ пути, на которомъ такъ трудно было найдти ее, внутренняя работа для того, чтобъ смѣло и бодро пройдти между противоположными теченіями, все это обострило его чувство, сообщило его таланту силу именно въ томъ направленіи, какимъ сильна его поэзія.

Скажу больше: не стремись Некрасовъ къ независимости, не вырабатывай онъ у себя практической сметки,

не умѣй онъ пользоваться пріобрѣтеннымъ состояніемъ и большими знакомствами, судьба журналистики русской, столь часто зависѣвшая отъ случая, могла быть иною, а журналистика очень много обязана Некрасову. Для нея тоже нуженъ былъ «практическій человѣкъ», но не того предпринимательнаго закала, который тогда царствовалъ нераздѣльно. Нуженъ былъ талантливый человѣкъ, понимающій ея задачи, широко на нихъ смотрѣвшій, строющій успѣхъ журнала не на эксплоатаціи сотрудниковъ, а на идеяхъ и талантахъ.

— Одинъ я между идеалистами былъ практикъ, говорилъ Некрасовъ, продолжая ту рѣчь, начало которой я привелъ выше: — и когда мы заводили журналъ, идеалисты это прямо мнѣ говорили и возлагали на меня какъ бы миссію создать журналъ.

И онъ создалъ этотъ журналъ, не смотря на всѣ препятствія, на отсутствіе сотрудниковъ, денегъ и возможности писать что-нибудь такое, что живо затрогивало бы общество. Мы вообразить себѣ не можемъ того времени — такъ мы далеко ушли отъ той мелкой, но трагической борьбы, потому что она изсушала мозгъ. Только натура необычайно сильная могла ее выдержать. Некрасовъ тогда работалъ по цѣлымъ суткамъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ писались, наприм., романы «Три страны свѣта» и «Мертвое озеро»,

— У меня въ кабинетѣ было нѣсколько конторокъ. Бывало, зайдетъ Григоровичъ, Дружининъ и др., и сей-

часъ къ нимъ: становитесь и пишите что нибудь для романа, главу, сцену. Они писали. Писала много и Панаева (Станицкій). Но все, бывало, не хватало матеріала для книжки. Побѣжишь въ Публичную библіотеку, просмотришь новыя книги, напишешь нѣсколько рецензій— все мало. Надо роману подпустить. И подпустишь. Я, бывало, запрусь, засвѣчу огни и пишу, пишу. Мнѣ случалось писать безъ отдыху болѣе сутокъ. Времени не замѣчаешь; никуда ни ногой, огни горятъ, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на часъ, другой и опять за то же. Теперь хорошо вспомнить объ этомъ, а тогда было жутко, и не разъ мнѣ приходили на память слова Бѣлинскаго, которыя онъ сказалъ мнѣ за недѣлю до смерти: я все думаю о томъ, говорилъ онъ, лежа грустный, блѣдный, что года черезъ два и вы будете лежать такъ же безпомощно, какъ я. Берегите себя, Некрасовъ». Но развѣ можно было себя беречь?... А какъ на насъ смотрѣли тогда, я не говорю о властныхъ особахъ,—а напр., такія знаменитости, какъ Гоголь. Разъ онъ изъявилъ желаніе насъ видѣть. Я, Бѣлинскій, Панаевъ и Гончаровъ надѣли фраки и поѣхали представляться, какъ къ начальству. Гоголь и принялъ насъ, какъ начальникъ принимаетъ чиновниковъ; у каждаго что нибудь спросилъ и каждому что нибудь сказалъ. Я читалъ ему стихи къ «Родинѣ». Выслушалъ и спросилъ: «Чтожъ вы дальше будете писать?» —Что Богъ на душу положитъ:—«Гмъ»,

и больше ничего. Гончаровъ, помню, обидѣлся его отзывомъ объ «Обыкновенной Исторіи»...

Разсказывалъ онъ обыкновенно много и живо. Это была живая и умная лѣтопись литературы и жизни, и при томъ такой жизни, которая для большинства насъ—terra incognita. Любилъ читать свои стихотворенія, но не иначе, какъ въ интимномъ кружкѣ.

— Въ сороковыхъ годахъ, говорилъ онъ, писатели думали, что необходимо составлять себѣ репутацію прежде всего въ большомъ свѣтѣ, а потому нѣкоторые изъ насъ изъ фрака не выходили. Я никогда этого не дѣлалъ. Я бывалъ у графини Разумовской и другихъ, но въ карты тамъ игралъ: я былъ равный съ равными, а не заискивалъ, не представлялъ своихъ стиховъ на судъ этихъ господъ и госпожъ. Я всегда думалъ, что надо репутацію у публики завоевать, а большой свѣтъ—какая это публика?

Говаривалъ онъ, въ особенности въ послѣдніе годы, и о своемъ значеніи въ литературѣ, и всегда чрезвычайно скромно. Въ прошломъ году разъ онъ писалъ намъ между прочимъ: «Боленъ такъ, что не пишется, да и трудно измыслить что нибудь... Вотъ всего четыре стиха:

Къ портрету**

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть изъ заслугъ
Ошибки юности и послѣднихъ лѣтъ уступки—
Пиши пропало, милый другъ.

«Многимъ годится и мнѣ въ томъ числѣ», прибавилъ онъ къ этимъ стихамъ.

Большія надежды возлагалъ онъ на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». Уже больной, онъ разъ говорилъ съ одушевленіемъ о томъ, что можно было бы сдѣлать, «еслибъ еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только въ цѣломъ можетъ имѣть свое значеніе. И чѣмъ дальше пишешь, тѣмъ яснѣе представляешь себѣ дальнѣйшій ходъ поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видѣлъ ясно, гдѣ ей конецъ, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала. Боюсь, что не проживу. Плохъ сталъ».

Онъ дѣйствительно становился плохъ, а какъ онъ страдалъ отъ своей болѣзни, что выносилъ—представить трудно. «Въ январѣ будетъ ровно три года», говорилъ онъ незадолго до смерти, «какъ я заболѣлъ», но страдалъ онъ особенно сильно года полтора. Нервныя боли онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ и постоянно долженъ былъ перемѣнять положеніе. То онъ ходитъ, то прижмется въ уголъ и стоитъ неподвижно, то упрется головою объ стѣну, то ляжетъ и тутъ не можетъ оставаться и нѣсколькихъ минутъ въ одномъ положеніи: то на одинъ бокъ повернется, то на другой, то сядетъ и судорожно сожметъ руками ноги, то положитъ ноги выше головы, то отчаянно закидываетъ голову назадъ. Боли усиливаются, долго онъ терпитъ и выдерживаетъ—есть

всему предѣлы, и комната оглашается его крикомъ и стонами. Эти припадки случались ежедневно и по нѣсколько разъ въ день. Ему давали одуряющія вещества и онъ засыпалъ. Весной 1877 г. страданія усилились необычайно; несчастный рвалъ на себѣ бѣлье, схватывалъ себя за горло. Предположено было сдѣлать ему операцію. За нѣсколько дней до нея я зашелъ къ нему и, противъ обыкновенія, засталъ его въ хорошемъ состояніи.

Комната была страшно натоплена; больной лежалъ на кровати, въ углу, покрытый простыней—онъ не могъ выдерживать на себѣ даже одѣяла, которое казалось слишкомъ тяжело—такъ чутки были его нервы.

— Я васъ съ годъ не видалъ такимъ хорошимъ, сказалъ я.

— Да сегодня просвѣтъ такой нашелъ, началъ онъ тихимъ голосомъ. Знаете, какъ въ лѣсу, въ темной чащѣ. Идешь, идешь и вдругъ просвѣтъ увидишь. Такъ и у меня. Нѣсколько дней было ужасно тяжело; я думалъ, что ужъ конецъ. Лежишь въ полусознаніи подъ вліяніемъ морфія и этихъ адскихъ мукъ. Слышишь и видишь даже, что кто-то будто ходитъ тутъ такой унылый, и такъ жалко мнѣ его, такъ хочется утѣшить его, а не могу... Да, сегодня просвѣтъ у меня, но онъ сейчасъ кончится, боюсь. Вотъ что, чтобъ не терять времени: я виноватъ передъ вами — все никакъ не могу переслать, а стихи вамъ готовы*).

*) Николай Алексѣевичъ принималъ самое теплое участіе во мнѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы хорошо съ нимъ познакоми-

Онъ быстро поднялся съ кровати и при помощи человѣка подошелъ къ столу. На немъ была одна рубашка. Тутъ только увидалъ я, до чего онъ исхудалъ и какъ сгорбилась спина его. На столѣ лежали листы, исписанные карандашемъ. Онъ взялъ ихъ и снова улегся. Все дѣлалъ крайне торопливо.

— Видите что. У меня что-то странное выходитъ. Лежишь дни и ночи съ закрытыми глазами и все картины проходятъ, люди, деревья, сцены. Отбою нѣтъ; приглядываешься, всматриваешься и такъ все ясно. Въ послѣднее время все мнѣ представляются степи. Безъ конца лежитъ степь и степь, сибирская, безпредѣльная. Вотъ вижу снѣгъ идетъ, такъ и валитъ хлопьями и степь бѣлѣетъ, и я смотрю на нее долго, долго. Этотъ образъ степи просто не даетъ мнѣ покою. И я заду-

---

лись. Это было въ 1872 г. Никакой ему нужды во мнѣ не было, но онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на Васильевскій Островъ и долго бесѣдовалъ о литературѣ. Тогда же онъ совѣтовалъ мнѣ завести свою газету и вести ее такъ, какъ я самъ понимаю. Участіе его совершенно безкорыстное, указывающее именно на нѣжную его душу, простиралось до того, что въ концѣ 1873 г. онъ предложилъ мнѣ значительную для меня сумму на поѣздку заграницу, чтобъ оправиться самъ отъ постигшаго меня несчастья. Я не воспользовался этимъ предложеніемъ, но не могу не вспомнить объ этомъ съ глубокою благодарностью. Онъ же старался убѣдить меня купить „Новое Время“ и жалѣлъ, что самъ ужъ устарѣлъ для веденія газеты, для участія въ ней. Онъ далъ для нея нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны подъ рубрикою: „Изъ Записной Книжки“, но безъ его имени, другія вѣроятно долго еще останутся въ рукописи, хотя они почти всѣ имѣютъ отрывочный, неотдѣланный характеръ.

малъ цѣлую поэму, которую назову «Безъ роду, безъ племени». Разныя подробности у меня уже сложились, нѣсколько стиховъ набросано на этихъ листахъ, а другіе въ головѣ. Понимаете, что будетъ. По этой степи ходитъ человѣкъ. Онъ вырвался изъ острога на волю. А воля эта — степь. И зимой, и лѣтомъ онъ тамъ. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ до истощенія силъ, голодаетъ, голодаетъ. Нигдѣ нѣтъ пріюта. Тутъ я опишу, какъ мучитъ человѣка холодъ, голодъ, жажда. Это ужасныя муки. Я знаю теперь, что значитъ физическая мука. И вотъ онъ идетъ, и ничего нѣтъ, кромѣ снѣга и степи... Вдругъ видитъ онъ что-то черное. Онъ туда, смотритъ — горностайка: замерзъ, бѣдняга. Подумалъ, подумалъ — бросить горностайку или взять съ собой? Все таки товарищъ, божье созданіе, все будто не одинъ въ этой проклятой степи. Снялъ онъ шапку, положилъ горностайку, надѣлъ ее опять и снова идетъ. Все степь и снѣга, силъ не хватаетъ идти. И вотъ слышитъ звонъ. Остановился, прислушался. Жилье близко. Да что тамъ его ждетъ? Этотъ звонъ только раздражаетъ, только напоминаетъ, что есть близко люди, да нельзя къ нимъ идти — онъ бродяга, безъ рода, безъ племени. А звонъ продолжается. Перекреститься или нѣтъ? думаетъ онъ. Чему радоваться? И озлобленіе беретъ его и вспоминаетъ онъ, какъ жилъ онъ между людьми, какъ этотъ звонъ колокольный вызывалъ въ немъ чувство. Снялъ онъ шапку — глядь, а горностайка шевелится: онъ согрѣлъ его на головѣ своей.

Глядитъ онъ на него, по шерсткѣ гладитъ. Ну, хочешь со мной, или на волю? Присѣлъ, спустилъ горностайку— прижался звѣрекъ и вдругъ бросился на волю... Это начало. Вотъ вамъ нѣсколько стиховъ—дѣлайте съ ними, что хотите.

Разсказывая это гораздо подробнѣе и разумѣется гораздо лучше, чѣмъ я написалъ, онъ опять всталъ и подошелъ къ камину. Тутъ были сестры его и жена, которыя не покидали страдальца, ухаживая за нимъ постоянно и дежуря при немъ по ночамъ, поочередно. Принесли бифстексъ. Зинаида Николаевна (жена Некрасова) рѣзала его на мелкіе кусочки, на тарелкѣ. Некрасовъ подошелъ къ столу и сталъ ѣсть, разрѣзая куски еще на меньшіе.

— Я много говорилъ, сказалъ онъ: — этого нельзя. Еслибъ Николай Андреевичъ (Бѣлоголовый) узналъ, задалъ бы онъ мнѣ.

И этотъ человѣкъ, у котораго голова была полна поэтическими образами, который такъ много могъ бы еще сдѣлать—умираетъ. Я посидѣлъ минуту и сталъ прощаться.

— Дай Богъ, чтобъ вамъ становилось лучше и лучше.

— Нѣтъ, этого не будетъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и повернулся къ столу, потомъ опять обернулся ко мнѣ, сдѣлалъ два - три шага впередъ и сказалъ шепотомъ:

— Черезъ нѣсколько дней отправлюсь на тотъ свѣтъ.

— Полноте, Н. А.

— Нѣтъ, это такъ. Да оно и лучше.

Голосъ его дрогнулъ -- въ немъ послышались слезы. Не смотря на невыносимыя страданія, онъ все-таки хотѣлъ жить, и когда проходили припадки, и онъ могъ вздохнуть свободно, онъ говорилъ своимъ близкимъ: «А все-таки я радъ, что я здѣсь еще, а не тамъ».

Вотъ что написано было на тѣхъ листахъ, которые онъ мнѣ далъ:

Имени и роду
Богу не скажу.
Надо—воеводу
Словомъ ублажу.

* * *

Кто ты?—Я-то? Житель!
Опустилъ кулакъ:
Кто ты?—Сочинитель!
Подлинно, что такъ.

* * *

Мѣткое, какъ пуля,
Слово подъ конецъ:
Кто ты?—Бородуля *),—
Прыснулъ! «Молодецъ!»

* * *

Я—давай Богъ ноги...
«Съ Богомъ! Ничего!
Наберемъ въ острогѣ
Помнящихъ родство».

---

*) Бородуля — баба съ бородой.

* * *

Третій годъ на волѣ,
Третій годъ въ пути.
Сбился въ снѣжномъ полѣ—
Некуда идти!

* * *

Ночи дальше-дальше,
Незамѣтно дней!
Снѣгу больше-больше,
Не видать людей,—

* * *

Степью рыщутъ волки,
Съ голоду легки,
Стонутъ какъ на Волгѣ
Лѣтомъ бурлаки.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его 7 декабря. Наканунѣ я поздравилъ его запиской со днемъ ангела и пожелалъ здоровья. Онъ написалъ мнѣ въ тотъ же день карандашемъ на листкѣ почтовой бумаги, гдѣ было переписано его стихотвореніе «Букинистъ и Библіографъ», между прочимъ слѣдующее: «Я не могу похвалиться здоровьемъ. Эта жизнь мнѣ въ тягость и сокрушеніе. Но лучше объ этомъ не начинать». Я вошелъ тотчасъ же, какъ докторъ отъ него вышелъ, и присѣлъ около кровати. Онъ сталъ говорить, но шопотомъ; говорилъ минутъ пять; иногда вдругъ вырывалась изъ горла рѣзкая нота, точно невольно, и шопотъ становился еще тише. Онъ попросилъ папироску и сталъ курить. Руки были худы страшно, и онъ жаловался, что рука устаетъ дер-

жать папироску. Онъ весь истаялъ, но всѣ мысли его вертѣлись на литературѣ, ея идеалѣ, ея задачахъ. «Сколько я передумалъ за это время», шепталъ онъ: «Боже мой, сколько передумалъ! Времени много. Закрыты глаза. Полагаютъ, что я сплю, а я думаю, думаю, пока боли не напомнятъ о себѣ. И о томъ думаю, что безъ меня будетъ... Вотъ глаза закрываются... Усталъ. Заходите.»

Черезъ нѣсколько дней былъ у него Боткинъ. Некрасовъ уже почти не говорилъ. Боткинъ вышелъ отъ него въ слезахъ.

И вчера такъ многіе плакали, провожая его въ могилу...

Незнакомецъ.

P. S. Помѣщаемъ еще слѣдующія три стихотворенія Николая Алексѣевича изъ тѣхъ, которыя няходятся въ нашемъ распоряженіи:

Букинистъ и Библіографъ.

(Отрывокъ).

Букинистъ.

А вотъ еще изданье. Страсть
Какъ грязно! Впрочемъ, ваша власть
Взять иль не взять. Мнѣ все равно,
Найдти купца не мудрено.
Одно замѣтилъ я давно,
Что, какъ зазубрины на плугѣ,
На книгѣ каждое пятно
Нѣмой свидѣтель о заслугѣ.

Библіографъ.

Ай, Гумбольдъ *), сказано умно.

Букинистъ.

А публика, не бось, не цѣнитъ!
Она тогда свой судъ измѣнитъ,
Когда пойметъ, что изъ огня
Попало ей черезъ меня
Двѣ, три хорошихъ книги въ руки.

Библіографъ.

Цѣна?...

. . . . . .

Къ портрету***

Развѣнчанъ нами сей кумиръ
Съ его бездѣйственной, фразистою любовью,
Умны мы стали: вѣритъ міръ
Лишь доблести запечатлѣнной кровью.

Н. Некрасовъ.

---

*) Такъ когда-то назвали одного букиниста, изыскателя въ области рѣдкихъ книгъ. Его уже давно нѣтъ на свѣтѣ.

(Нов. Время, № 662).

Кому жить на Руси хорошо.

(Письмо въ редакцію).

Въ 662 № *Новаго Времени*, г. Незнакомецъ, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. А. Некрасовымъ, говоритъ между прочимъ о томъ, что Н. А. „возлагалъ большія надежды на свою поэму: «Кому на Руси жить хорошо?» и сожалѣлъ, что болѣзнь не даетъ ему окончить этого труда, сожалѣлъ потому, что именно теперь, въ дни недуга, весь ходъ поэмы выяснился ему какъ нельзя лучше и шире. «Начиная (поэму), говорилъ Н. А., я не видалъ ясно, гдѣ ей конецъ, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала-бы и выигрывала“...

Объ этой поэмѣ раза два приходилось бесѣдовать съ Н. А. и пишущему эти строки. Дѣйствительно, Н. А. много думалъ надъ этимъ произведеніемъ, надѣясь создать въ немъ «народную книгу», т. е. книгу полезную, по-

нятную народу и правдивую. Въ эту книгу долженъ былъ войти весь опытъ, данный Н. А. изученіемъ народа, всѣ свѣденія о немъ, накопленныя по собственнымъ словамъ Н. А-ча «*по словечку*» въ теченіи 20-ти лѣтъ.»

Однажды я спросилъ его:

— А каковъ будетъ конецъ? Кому на Руси жить хорошо?

— А вы какъ думаете?

Н. А. улыбался и ждалъ.

Эта улыбка дала мнѣ понять, что у Н. А. есть на мой вопросъ какой-то непредвиденный отвѣтъ, и чтобы вызвать его, я на удачу назвалъ одного изъ поименованныхъ въ началѣ поэмы счастливцевъ.

— Этому! спросилъ я.

— Ну вотъ! Какое тамъ счастье!

И Н. А. немногими, но яркими чертами, обрисовалъ безчисленныя черныя минуты и призрачныя радости названнаго мной счастливца.

— Такъ кому-же? переспросилъ я.

И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнесъ съ разстановкой:

— *Пѣя-но-му*!

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ именно предполагалъ окончить поэму. Не найдя на Руси счастливаго, странствующіе мужики возвращаются къ своимъ семи деревнямъ: Горѣлову, Нѣелову и т. д. Деревни эти «смежны», стоятъ близко другъ отъ друга, и отъ каждой идетъ тро-

пинка къ кабаку. Вотъ у этого-то кабака встрѣчаютъ они спившагося съ кругу человѣка, «подпоясаннаго лычкомъ», и съ нимъ, за чарочкой, узнаютъ, кому жить хорошо.

Это окончаніе поэмы въ литературныхъ кругахъ извѣстно, по всей вѣроятности не мнѣ одному. Сообщаю его для провиціальныхъ читателей.

Г. Успенскій.

(Пчела № 2, 1878).

Комнаты Н. А. Некрасова.

Я давно знаю эти комнаты—эти историческія комнаты. Кого только не видали онѣ — кто не перебывалъ въ нихъ! Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Салтыковъ-Щедринъ, Панаевъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Михайловъ, Пыпинъ, Антоновичъ, Жуковскій, Мельниковъ-Печерскій, Костомаровъ, Плещеевъ, Полонскій, Григоровичъ, Щаповъ, Якушкинъ, Помяловскій, двое Курочкиныхъ, двое Успенскихъ, двое Слѣпцовыхъ... Кого ни вспомнишь,

Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ!

Эти историческія комнаты — комнаты Некрасова.

По понедѣльникамъ, въ полуденные часы, въ нихъ господствовалъ строгій стиль. Являлись сотрудники, постоянные и случайные, возвращались и принимались

статьи, давались и выслушивались объясненія по дѣламъ редакцій — сперва «Современника», потомъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ другіе дни или часы здѣсь шла откровенная, вольная бесѣда — за стаканомъ чая или за бокаломъ вина.

Сколько споровъ слышали эти комнаты, — сколькихъ благодарностей и упрековъ, дружескихъ привѣтствій и рѣзкихъ угрозъ, сближеній и расхожденій были онѣ свидѣтелями! Исторія этихъ комнатъ есть исторія литературныхъ отношеній цѣлой эпохи, исторія русской журналистики.

И вотъ онѣ полны теперь какого-то страннаго народа; онѣ уже не комнаты, а точно улица, гдѣ толчется всякій, кому вздумается. Рядомъ съ звѣздоноснымъ вицъ-мундиромъ — потертый сюртукъ медицинскаго студента, подлѣ шикарной шляпки на взбитомъ шиньонѣ — «простоволосая» головка съ откинутыми назадъ прядями, рядомъ съ солиднымъ галстухомъ — истрепанное кашне вокругъ шеи, и тутъ-же шубы, пальто, военныя шинели, пледы и даже чуйки.

Въ комнатахъ ходитъ вѣтеръ, движется человѣческая волна, пахнетъ ладаномъ, а въ той, «гдѣ столъ былъ яствъ» — и даже на томъ самомъ мѣстѣ, — стоитъ гробъ. Какъ это не похоже на прежнюю обстановку этой комнаты!

Впрочемъ, въ ней давно уже нѣтъ прежней обстановки. Столъ, стоявшій посрединѣ, за которымъ Некрасовъ — въ голубомъ шелковомъ халатѣ, обложенный газетами и корректурами — пилъ по утрамъ чай и за̀просто

принималъ близкихъ знакомыхъ, отодвинутъ куда-то въ сторону или вынесенъ вовсе; а вмѣсто живой бесѣды давно уже раздавались скорбные, ужасные, приводящіе въ дрожь стоны.

Въ первый періодъ болѣзни Некрасова, до операціи, я былъ у него нѣсколько разъ и почти всегда выносилъ самое тягостное впечатлѣніе. О чемъ съ нимъ говорить? Какъ держать себя? Чѣмъ его занимать? Разговоры о болѣзни его раздражаютъ—развѣ онъ самъ раскроетъ легкое покрывало и, обнаживъ высохшую, тонкую какъ рука ребенка ногу, скажетъ глухимъ, разслабленнымъ голосомъ: «Вотъ, отецъ (обычное его выраженіе), — таю, высохъ совсѣмъ». Утѣшать или обнадеживать—безполезно и совѣстно: онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь зналъ, что не поможетъ ему аптека и мудрость опытныхъ врачей». Говорить о вещахъ постороннихъ — тоже совѣстно, да и тяжело, потому что силъ нѣтъ говорить о нихъ спокойно при видѣ такихъ ужасныхъ страданій. Только два визита прошли для меня легко и даже пріятно. Въ одинъ изъ нихъ Некрасовъ разговорился по поводу напечатаннаго въ «Недѣлѣ» стихотворенія, отвѣчавшаго на его «Послѣднія пѣсни»:

«Не говори, что ты сойдешь въ могилу,
Никѣмъ не оцѣненъ и не любимъ».

Въ этомъ стихотвореніи были такія строфы:

«*Твои вины* давно она (родина) простила
За то, что ты любить ее умѣлъ».

Выраженіе «твои вины» навело Некрасова на цѣлый рядъ воспоминаній. «Я знаю — говорилъ онъ — меня упрекали въ *практичности* и въ разныхъ разностяхъ. Еще Бѣлинскій говаривалъ объ этомъ... Но еслибъ во мнѣ не было практичности — развѣ я смогъ бы вести «Современникъ»? Вѣдь трудно — охъ, какъ трудно было это!» Потомъ онъ заговорилъ о нѣкоторыхъ своихъ слабостяхъ — и назвалъ ихъ «органическимъ порокомъ» всего своего рода. Его дѣдъ проигралъ въ карты громадное состояніе; его отецъ спустилъ почти все, что получилъ отъ дѣда. Онъ очень долго говорилъ на эту тему и сообщилъ много любопытныхъ подробностей изъ своей жизни.

Въ другой разъ онъ захотѣлъ прочитать новое стихотвореніе — «Мать». Онъ приподнялся на своей кушеткѣ и сталъ шарить рукой по столику, ища рукопись; но рукописи не оказалось. «Посмотрите, отецъ, нѣтъ-ли вонъ тамъ» — указалъ онъ глазами на другой столъ, но и тамъ не оказалось. «Ну, ничего, я и такъ прочту... Должно быть Анна Алексѣевна (сестра) съ собою взяла... Я и такъ вспомню.» — Да вспомните-ли? — «Вспомню! Я вѣдь всѣ свои стихи помню, могу вамъ сейчасъ, что угодно прочитать.» Это для меня было новостью, и я выразилъ удивленіе. «Да, все помню! повторилъ Некрасовъ. Вѣдь съ большимъ трудомъ все это писалось... Читать-то легко, а писать очень трудно было — поневолѣ запомнишь.» Онъ поправилъ головой подушку, принялъ полусидячее положеніе и, предварительно сообщивъ сюжетъ пьесы (она по-

томъ была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», впрочемъ нѣсколько измѣненная), разсказалъ, какъ его мать была украдена съ балу въ Варшавѣ (она была полька), какъ бѣжала тайно отъ родителей съ отцемъ Некрасова, какъ потомъ страдала всю жизнь въ грубой помѣщичьей семьѣ и наконецъ умерла. Разсказывая все это, онъ вспоминалъ о матери съ такою любовью, съ такою трогательною нѣжностью, онъ приписывалъ ей такое громадное вліяніе на всю свою жизнь и рисовалъ ея образъ въ такомъ поэтическомъ ореолѣ, что для меня стала вполнѣ понятна восторженность, съ какою онъ вспоминалъ о матери въ прежнихъ своихъ стихотвореніяхъ.

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ!
. . . . . .
Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О прости! То не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою

И на правый поставила путь.
Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная!

Мнѣ невольно припомнились эти чудныя, необыкновенно задушевныя и поэтическія строфы, когда я слушалъ разсказъ Некрасова о матери.

Но вотъ онъ кончилъ и началъ читать стихотвореніе. Голосъ Некрасова всегда былъ нѣсколько глухой, и потому его пѣвучее чтеніе всегда дѣйствовало на меня какъ-то особенно. Но теперь, когда онъ былъ полу-трупъ, этотъ голосъ звучалъ совсѣмъ замогильной нотой — и жутко отъ него становилось.

...Быть можетъ я преступно поступаю,
Тревожа сонъ твой, мать моя! Прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю —
Къ свободѣ ей заказаны пути!
Позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли
Ей для борьбы оставилъ мало силъ,
Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...
Благослови, родная: часъ пробилъ!
Въ груди кипятъ рыдающіе звуки,
Пора, пора имъ ввѣрить мысль мою!
Твою любовь, твои святыя муки,
Твою борьбу, подвижница, пою...

Некрасовъ остановился и перевелъ духъ... Видимо, его самого подавлялъ этотъ образъ, который онъ вызывалъ изъ-за могилы. Видимо, онъ слышалъ на себѣ его дыханіе, чувствовалъ прикосновеніе его любящихъ устъ.

Въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ,
Но менѣе суровомъ рождена,
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьба вручила.
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла;
Ужъ онъ не твой, — но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла!
. . . . . .
И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами
Гордившейся невѣжествомъ среды;
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!
. . . . . .
Глухая ночь! Иду поспѣшно въ садъ...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Гдѣ ты? Прими сыновній мой привѣтъ...
Но вторитъ мнѣ лишь эхо безучастно...
Я зарыдалъ; увы, ее ужъ нѣтъ!

Я привожу только отрывки изъ того, что читалъ Некрасовъ. Онъ нѣсколько разъ останавливался во время чтенія, и послѣднія строки читалъ уже почти шепотомъ. Наконецъ онъ кончилъ, закрылъ глаза и въ утомленіи закинулъ назадъ голову,.. «Ее ужъ нѣтъ—и тебя скоро не станетъ!» думалъ я, глядя на его изможденное лицо, высокій лобъ, полуоткрытыя губы...

И вотъ его не стало... 30 декабря въ «историче-

ских комнатахъ» толпился народъ, и въ десятомъ часу утра толпа молодежи вынесла на рукахъ его гробъ. У подъѣзда дожидалась богатая погребальная колесница, но ей не досталась честь везти этотъ дорогой прахъ; его несли на рукахъ до самаго Ново-Дѣвичьяго монастыря, то-есть добрыхъ восемь верстъ!

Похороны Некрасова не походили на похороны Тьера У того шли за гробомъ сотни тысячъ, тамъ въ печальной процессіи участвовало все населенье, весь городъ закрывшій свои магазины и облекшійся въ трауръ. Гроб Некрасова провожали тысячи три человѣкъ, и городъ ни чѣмъ не обнаружилъ своей скорби. Но для Петербурга эт все-таки были невиданные похороны — и по многолюдству и по внѣшнему виду. Гробъ, какъ я сказалъ, всю дорогу несли на рукахъ. Впереди его шла толпа съ нѣсколь кими громадными вѣнками, украшенными надписями. Толп несшая эти вѣнки, всю дорогу—хоромъ человѣкъ въ де сти—пѣла «Святый Боже», и пѣла такъ усердно, что боюсь, какъ-бы большинство ея не захворало дифте томъ. На кладбищѣ, говорятъ, толпа эта возросла пяти тысячъ человѣкъ. Пять тысячъ на похоронахъ ру скаго писателя — это кое-что значитъ! Вся литерату участвовала въ этой толпѣ. Въ церкви, послѣ обѣдн профессоръ петербургскаго университета священникъ Го чаковъ произнесъ теплую, прочувствованную рѣчь, а п томъ читались рѣчи и на самой могилѣ.

(Недѣля, № 1, 1878.) П. Гайдебуровъ.

Памяти Н. А. Некрасова.

Была пора: поэзія вѣнчала
Святымъ вѣнцомъ героевъ и боговъ, —
Поэта гимнъ во храмѣ идеала
Священнѣй былъ всѣхъ жертвенныхъ даровъ.
Таили чудно вѣщей лиры звуки
Волшебную и творческую власть,
Будя въ сердцахъ блаженства рай и муки,
Священный трепетъ, пламенную страсть...
Среди громовъ, средь криковъ грозной сѣчи,
Какъ божество пророческій перунъ,
Какъ мощное рокочущее вѣче, —
Гремѣлъ аккордъ завѣтныхъ, сладкихъ струнъ —
Тотъ вѣкъ прошелъ... Другіе дни настали, —
Дни мелкихъ дрязгъ: въ хаосѣ мелочей,
Аккорды лиръ волшебныхъ замолчали,

Подъ звонъ рублей, подъ крики торгашей...
И вотъ, во дни безсилья дряхлой мысли,
Когда у музы больше крыльевъ нѣтъ
И струнъ клочки порвались и повисли, —
Ты жилъ и пѣлъ въ нашъ смутный вѣкъ, поэтъ!
Народныя страданья и печали,
И горя стонъ, и вздохи матерей,
Что межъ могилъ, въ осенней тьмѣ, блуждали,
Подслушалъ ты среди родныхъ полей.
Мы знаемъ ихъ, — они намъ всѣмъ знакомы, —
Но тупо ихъ мы слушаемъ порой;
Когда же ты въ рокочущіе громы
Ихъ перенесъ могучею рукой, —
Когда облекъ въ рыдающіе звуки
Мольбу вдовы, плачъ сироты больной
Иль въ тьмѣ лачугъ подсмотренныя муки, —
И мы тогда заплакали съ тобой...
Въ нашъ вѣкъ тупой, грошевый, меркантильный,
Поэтъ, ты могъ заставить-хоть на мигъ —
Толпу забыть свой эгоизмъ всесильный
И заглушалъ базарный общій крикъ!
Страдая самъ, подъ гнетомъ смертной муки,
Ты о другихъ пѣлъ грустный пѣсенъ рой
И, бросивъ въ міръ послѣдней пѣсни звуки,
Угасъ и самъ, какъ пламенникъ святой!
Годъ роковой! Отчизна тратитъ силы
Въ борьбѣ за жизнь измученныхъ славянъ, —

Вокругъ встаютъ геройскія могилы
И не смолкаетъ бранный барабанъ.
Но смерть твоя, и въ шумѣ грозной битвы
Среди побѣдно-плещущихъ знаменъ,
Въ насъ вызвала и слезы, и молитвы,
И слышенъ намъ разбитой лиры звонъ...
Угасъ поэтъ, и лира раскололась, —
Почтили мы надгробной тризной прахъ, —
Но не замретъ твой вѣщій громкій голосъ
И на Руси онъ прозвучитъ въ вѣкахъ!...

Л. Пальминъ.

(Будильникъ, № 2, 1878.)

Письма изъ Петербуга.

Смерть Н. А. Некрасова.

Мы вмѣстѣ со старымъ годомъ проводили въ могилу тѣло лучшаго нашего поэта Н. А. Некрасова. Эта потеря если нѣсколько и примиряетъ насъ съ судьбою, то только потому, что потеря эта была не неожиданная, что какъ она ни была тяжела, но рано или поздно, во всякомъ случаѣ въ близкомъ будущемъ, она должна была совершиться. Со смертью Н. А. мы какъ будто потеряли главу русскихъ поэтовъ, каковымъ считался покойный по тѣмъ или другимъ основаніямъ поколѣніемъ людей, гордящихся движеніемъ русскаго общества въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Послѣднее время, послѣднія 10, 15 лѣтъ были, конечно, далеко неблагопріятны для созданія новой русской поэтической силы, и потому покойный Н. А. Некрасовъ, не утратившій чуткости къ жизни, отражалъ въ своихъ произведеніяхъ чув-

ства и стремленія этого послѣдняго времени, на сколько хватало силъ у его пожившей и истомленной музы, и насколько пафосъ его поэтическаго творчества соотвѣтствовалъ слишкомъ матерьялистическому направленію общества, нуждавшемуся наиболѣе въ сатирѣ.

Но оставлю эти размышленія и, поканчивая съ этою грустною темою, опечалившею наши святки, я могу только заявить, что петербуржцы сдѣлали достойные похороны своему любимому поэту. Да, Н. А. Некрасовъ былъ поэтъ по преимуществу нашъ, воспитанный Петербургомъ, стремленіями и надеждами его лучшихъ кружковъ.

Рижскій Вѣстникъ, 1878. № 7.

По Россіи.

Потерю великую понесла русская литература! Во вторникъ, въ 9-мъ часу вечера скончался нашъ талантливѣйшій поэтъ *Н. А. Некрасовъ*, съ музою котораго знакомъ весь русскій людъ, сколько-нибудь грамотный. Считаемъ излишнимъ здѣсь разсказывать біографію поэта, которая собственно есть хронологія его поэмъ и пѣсенъ, ибо вся жизнь Н. А. была отдана литературѣ. Было одно время, когда такъ-называемая эстетическая критика сильно покушалась оспаривать поэтическій даръ въ Некрасовѣ, но кто другой способенъ былъ воспроизвести такія чудныя реальныя картины русской природы, какія, напримѣръ, разсѣяны въ поэмѣ «Саша»? Некрасовъ до самой смерти остался вѣренъ своему направленію, которому сочувствовало все молодое и честное. Память этого человѣка не умолкнетъ въ далекихъ поколѣніяхъ.

(Кіевскій Листокъ. 1878. № 1.)

Н. А. Некрасовъ.

(Некрологъ.)

Декабря 30 только что пережитаго нами года, Россія схоронила Н. А. Некрасова.

Это былъ поэтъ изъ плеяды даровитыхъ писателей сороковыхъ годовъ, каковы Тургеневъ, Л. Толстой, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ выразителей передовой интеллигенціи сороковыхъ годовъ, со всѣми ея достоинствами и недостатками.

Это былъ наконецъ, на ряду съ Тургеневымъ, одинъ изъ подготовителей въ общественномъ сознаніи того настроенія, которое получило законное признаніе въ великой крестьянской реформѣ 19 февраля 1861 года. Его вдохновенныя скорбію пѣсни имѣютъ, въ этомъ отношеніи, такое же значеніе, какъ «Записки Охотника» Тургенева.

Кончина Некрасова—общенародная печаль: его читали и о немъ скорбятъ съ одинаковымъ сочувствіемъ русскіе

окраинъ и русскіе внутренней Россіи. Поэтъ училъ молодое поколѣніе любить народъ и служеніе ему заповѣдывалъ, какъ главную цѣль жизни. «Сѣйте», говорилъ онъ, умирая —

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное...
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Въ своихъ, вырванныхъ изъ души страданіями, «Послѣднихъ пѣсняхъ» поэтъ между прочимъ сказалъ:

Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жизнь начиналъ.

Лучшимъ возраженіемъ на это служатъ похороны Некрасова и слѣдующее посланіе къ нему неизвѣстнаго поэта:

Не говори, что ты сойдешь въ могилу,
Никѣмъ не оцѣненъ и не любимъ,
Что безполезно разбросалъ ты силу,
Что ты народу былъ чужимъ.
Нѣтъ, родина стоитъ незримо
У гроба твоего и шлетъ тебѣ привѣтъ,
Тебѣ, нашъ горячо любимый,
Нашъ истинный, народный нашъ поэтъ.
Твои вины она давно простила
За то, что ты съ такою чудной силой
Ея страданія воспѣлъ.

Кіевлянинъ № 4. 1878.

Н. А. Некрасовъ.

(Некрологъ.)

Утрату великую понесла русская литература: 27 декабря, въ 9 часу вечера, скончался одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей человѣческой мысли — Н. А. Некрасовъ. Въ виду глубокого горя, охватившаго все честное, мыслящее русское общество, мы считаемъ совершенно излишнимъ всякое разглагольствованіе о литературной дѣятельности Некрасова, о мѣстѣ его въ исторіи русской литературы; на этотъ разъ мы ограничимся краткой біографіей великаго поэта и приведемъ стихотвореніе бывшаго воспитанника Кіевской военной гимназіи Владиміра Д-на, посвященное Некрасову.

Новая въ небѣ заря загорается,
Лучъ проникаетъ въ избушки крестьянъ;
Русскій народъ ото сна просыпается,
Вдаль отлетаетъ холодный туманъ.
Пѣсню пропѣлъ ты великую, смѣлую;

Пѣсня твоя на Руси не умретъ:
Грудью свободною, массою цѣлою
Скоро затянетъ ее весь народъ.
Скоро пойдетъ онъ великой дорогою,
Этой дороги далекой конецъ
Ты указалъ ему лирою строгою,
Полною правды, нашъ русскій пѣвецъ!
Пусть еще пѣсня твоя не допѣта,
Ею ты чуткихъ людей пробудилъ;
Не былъ забавой великаго свѣта.
Бѣдный народъ ты душою любилъ.
Чернорабочій въ дорогѣ желѣзной
Блѣдный, худой передъ нами возсталъ,
Силы, терпѣнья, энергіи бездной
Этотъ великій мужикъ обладалъ.
Тотъ же крестьянинъ въ подъѣздѣ парадномъ
Даромъ ходилъ все за правдой, судомъ
И говорилъ о житьѣ безотрадномъ...
Сѣятель, ты намъ напомнилъ о немъ!
Женщинѣ съ голоду павшей, убогой
Подалъ ты руку, какъ другъ или братъ,
Падшей нарядной сатирою строгой
Бросилъ въ лицо, обличая развратъ.
Трудъ ты хвалилъ, называлъ благороднымъ,
Слабыхъ душей поддержалъ на пути;
Школьникамъ силы ты подалъ безроднымъ
Новою въ жизни дорогой идти.

Поэтъ, съумѣвшій вызвать чуть-ли не у ребенка такіе стихи, не умретъ въ памяти народной.

(Кіевскій Листокъ 1878. № 3.)

Некрасовъ, какъ поэтъ.

За каплю крови, общую съ народомъ,
Мои грѣхи, о родина, прости!...
Некрасовъ.

Такими словами извинялся покойный поэтъ Некрасовъ за свои «вольныя» прегрѣшенія въ стихахъ. Въ настоящее время, на свѣжей еще могилѣ, лучше припомнить достоинства покойнаго поэта, которыя были очень значительны, чѣмъ... Но смерть примиряетъ все!...

Капля крови, общая съ народомъ, дѣйствительно была у Некрасова. Вся Россія читала его и увлекалась многими изъ его произведеній, посвященныхъ народному быту. Не смотря на дѣланность нѣкоторыхъ мѣстъ въ произведеніяхъ, подобныхъ «кому на Руси жить хорошо», въ нихъ столько встрѣчается чисто-русскихъ картинъ, чисто народныхъ образовъ, фразъ, воззрѣній, что отказать Некрасову въ названіи народнаго поэта было-бы несправедливо.

Но главный поэтическій мотивъ, одушевляющій музу Некрасова, изчезъ уже давно. Крѣпостное право, со всѣми его дѣйствительными ужасами и съ тѣми преувеличеніями, которыми снабжали его, напр., Марко Вовчекъ и Некрасовъ, отошло въ вѣчность. Некрасовъ, какъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, нашелъ себѣ другіе мотивы: народная бѣдность давала ему ихъ сколько угодно. Доблести русской женщины, отчаянная погоня за наживой современныхъ «дѣльцовъ», все годилось для него, потому что во всемъ онъ умѣлъ найти живую струю, все умѣлъ изобразить въ яркихъ и живыхъ образахъ и владѣлъ русскимъ стихомъ неподражаемо.

Стихъ Некрасова, дѣйствительно, не забывается, и въ очень многихъ случаяхъ онъ вырывается у него прямо изъ души и прямо-же, стремительно, неудержимо просится въ душу читателя. Во многихъ картинахъ Некрасова видно столько искренняго, неподдѣльнаго поэтическаго увлеченія, что оно невольно овладѣваетъ и самимъ читателемъ. Кое-что выражено у Некрасова такъ, что, кажется, лучше по-русски и выразить нельзя. Достаточно сказать, что нѣкоторыя выраженія Некрасова, на равнѣ съ лучшими выраженіями Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя и Крылова, сдѣлались достояніемъ народнаго языка.

Однимъ словомъ, у Некрасова былъ поэтическій талантъ, большой поэтическій талантъ. Что-же онъ сдѣлалъ? Намъ противно повторять общія фразы, давно истрепавшіяся, о сліяніи культурныхъ классовъ съ наро-

домъ; о томъ, что народный поэтъ содѣйствуетъ этому сліянію, заинтересовывая насъ народомъ, знакомя насъ съ нимъ... Это все не то. Что Некрасовъ воспѣвалъ народныя невзгоды: нищету, бѣдность, неурожаи, что онъ умѣлъ передать поэзію русской природы и скромное счастье мужика, это тоже вѣрно. Но въ общемъ то что? Какіе идеалы вырисовываются въ его произведеніяхъ? За что онъ ратовалъ?

Онъ самъ называлъ свою музу «музой мести и печали». Онъ былъ безотраднымъ пессимистомъ, стихи котораго больно сжимали сердце читателя и не показывали ему даже вдали ни одного луча свѣта. Данморъ—поэтъ смерти. Некрасовъ былъ поэтомъ безотрадности. Читайте слѣдующія два стихотворенія, изъ которыхъ на первое вы, вѣроятно, не обратили вниманія, а второе не было еще напечатано.

Душно! Безъ счастья и воли
Ночь неприглядно темна.
Буря-бы грянула, что-ли!...
Чаша съ краями полна!
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи...
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!...

Или вотъ какъ онъ говоритъ о русскомъ обществѣ и о русскомъ народѣ:

Горы да поляны,—бѣдная природа.
Сторона—могила мертваго народа.
Тщетно отголоска жизни ловитъ ухо.
Нѣтъ живаго звука.. Все мертво и глухо.

И далѣе:

Въ сумрачномъ хаосѣ, безъ тепла и свѣта,
Вяло, апатично движутся фигуры:
Полная безличность иль карикатуры...
. . . . . .
Старые знакомцы, счетъ ихъ намъ не труденъ,
Тотъ-же все Молчалинъ, Фамусовъ и Рудинъ,
Хлыщъ или Обломовъ... Это все не ново.
Слово насъ подъѣло. Слово,—только слово!...

и наконецъ:

Мать моя отчизна! Мчатся надъ тобою
За годами годы вѣчной чередою
И они безплодно также въ вѣчность канутъ...
Плачь-же моя пѣсня. Мертвые не встанутъ!..

Даже въ такихъ прелестныхъ стихотвореніяхъ, какъ «пѣсня Любы», гдѣ поэтично изображается порывъ юной женской души «на просторъ широкій», и тамъ звучитъ также безотрадность: «Если выростетъ у моря, не спастись цвѣточку!... Громъ ударитъ, буря встанетъ, валъ сердитый грянетъ, въ день одинъ песку нагонитъ на прибрежный цвѣтикъ, и на вѣки похоронитъ. Отпусти, мой свѣтикъ!!»

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что встрѣчаются у Некрасова иногда и утѣшительныя ноты. Чего на свѣтѣ не бываетъ!... Но это или слова его героевъ, или рѣдкія нотки, звучащія дисонансомъ въ общей погребальной гармоніи его произведеній.

Мы понимаемъ каждый характеръ поэзіи, и не позволимъ себѣ, конечно, навязывать поэту тѣ настроенія, которыя симпатичнѣе намъ. Но мы не понимаемъ возмож-

ности жить и писать, пребывая постоянно окруженнымъ чернымъ туманомъ безотраднаго пессимизма. Если человѣкъ, по несчастію, впадаетъ въ такую роковую меланхолію, то онъ сходитъ съ ума или кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Если-же поэтъ доживаетъ до 55 лѣтъ, умираетъ случайно отъ нарыва въ кишечномъ каналѣ, оставляетъ полміліонное состояніе и, какъ извѣстно, не велъ жизни отшельника и аскета, то тѣнь его не имѣетъ никакого права оскорбиться на насъ, если мы предположимъ, что жизнь для него была вовсе не такъ безотрадна, и что, слѣдовательно, основное направленіе его произведеній «месть и печаль» едва-ли было вполнѣ искренно. «Мстить» ему было не за что и некому, а печалился онъ, вѣроятно, не всю-же жизнь!...

Это воззрѣніе подтверждается разборомъ сочиненій Некрасова. Вотъ почему онъ не великій поэтъ. Вотъ почему онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть общечеловѣческаго значенія, какъ многіе европейскіе поэты, обладавшіе талантомъ, не большимъ, чѣмъ у него. У Некрасова не было profession de foi, потому что отчаяніе и безотрадность, а особенно не вполнѣ искреннія не могутъ быть profession de foi.

Ив. Серг. Тургеневъ, если читатели замѣтили, называя современныхъ писателей по фамиліи: графъ Толстой, Достоевскій, Аксаковъ, про покойнаго Некрасова всегда говорилъ «*господинъ Некрасовъ*», и не помѣщалъ уже

много лѣтъ ни одной строки ни въ «Современникѣ», ни въ «Отеч. Запискахъ». Это фактъ знаменательный.

Само собою разумѣется, что Некрасовъ, какъ поэтъ, представляетъ богатый предметъ для критическаго этюда. Когда-нибудь мы этимъ займемся. Теперь мы намѣрены сказать только главное, особенно въ виду славословій и панегириковъ, которые несомнѣнно посыпятся на могилу Некрасова и будутъ сбивать съ толку средняго читателя...

А все-таки Россія потеряла въ Некрасовѣ замѣчательнаго поэта и очень талантливаго человѣка, а ихъ такъ мало между нашими литературными дѣятелями!!

Какъ-бы кратко ни хотѣли мы говорить о Некрасовѣ, но нельзя не посмотрѣть à vol d'oiseau на его произведенія, чтобы хоть сколько-нибудь выяснить на фактахъ, что именно мы о немъ думаемъ, и устранить возможность превратныхъ толкованій нашихъ словъ. Посмотримъ на главнѣйшіе мотивы Некрасовской поэзіи.

1. **Народъ**. Изображенію народной жизни посвящено множество лучшихъ произведеній покойнаго поэта, и ими главнымъ образомъ онъ пріобрѣлъ себѣ обще-русскую извѣстность. Не говоря о множествѣ мелкихъ произведеній, между которыми встрѣчаются перлы Некрасовской поэзіи, попробуемъ вывести изъ его крупныхъ поэмъ, гдѣ главную роль играетъ народъ, какой нибудь общій результатъ.

Первое мѣсто между этими произведеніями занимаетъ, по нашему мнѣнію, большая поэма: «Кому на Руси жить

хорошо». Какъ ни блестящи, какъ ни поэтичны, и ни вѣрны нарисованныя въ ней картины народной жизни и природы, но главная, общая ея мысль состоитъ въ томъ, что на Руси никому не хорошо жить, во-первыхъ, по причинѣ страшной нищеты; во-вторыхъ, по причинѣ невѣжества, и наконецъ, потому что на Руси слишкомъ большую роль играетъ: «Кулакъ искросыпительный, кулакъ зубодробительный, кулакъ скуловорррротъ!!!« Другая превосходная поэма: «Морозъ, красный носъ» также переполнена поэтическими картинами, но мораль ея та-же: крестьянкѣ безъ мужа ничего не остается, какъ умереть. Положимъ, что замерзаніе Дарьи является случайностью, но случайность эта представляется какъ-бы неизбѣжною и тѣмъ болѣе роковою и трагичною, что Дарья — идеалъ русской крестьянки: «Не страшны ей нищій, убогій... Вольно-жь безъ работы гулять! Лежитъ на ней дѣльности строгой и внутренней силы печать. Ее лишь слѣпой не замѣтитъ, а зрячій о ней говоритъ: Войдетъ, — словно солнце освѣтитъ. Посмотритъ — рублемъ подаритъ.» Наконецъ, «Коробейники» мы считаемъ слабѣе прочихъ большихъ народныхъ поэмъ Некрасоеа, хотя и они исполнены блестящихъ поэтическихъ частностей. Общей мысли въ нихъ, повидимому нѣтъ; но изо всей поэмы вѣетъ чѣмъ-то погребальнымъ. «Я полями иду, вѣтеръ свищетъ съ полей: холодно, странничекъ, холодно! Холодно, родименькій, холодно!... Я лугами иду, вѣтеръ свищетъ съ луговъ; голодно, странничекъ, голодно! Голодно, родименькій, го-

лодно!...» Вотъ какой погребальный вой раздается въ душѣ читателя по прочтеніи «Коробейниковъ»...

Что говорить о множествѣ мелкихъ произведеній Некрасова изъ народной жизни? Вотъ извощикъ, повѣсившійся съ отчаянія, что ему не удалось украсть пяти тысячъ рублей. Вотъ бѣдная, воющая старуха-мать, у которой сорокъ первый медвѣдь задавилъ богатыря-сына и которая теперь обнищала. Вотъ пьяница Иванъ; вотъ Орина, мать солдатская. Горе, бѣдность, безотрадная, безвыходная нищета, грубое невѣжество—вотъ общій тонъ народныхъ поэмъ Некрасова.

2. Второй важный мотивъ поэзіи Некрасова — **русская женщина.** Къ ней Некрасовъ относится съ страстнымъ сочувствіемъ. Онъ рисуетъ ея выносливость; ея добрую, сочувствующую всему хорошему душу; ея скромный, безпритязательный героизмъ. Но и она страдаетъ и гибнетъ, и нѣтъ для нея счастья, нѣтъ ей выхода изъ ея безотраднаго положенія. Не говоря уже о русской крестьянкѣ, которая вся «воплощенный недугъ, вся вѣковая истома», женщины, находящіяся въ лучшемъ положеніи, несчастны не менѣе ея. Вотъ женщина культурнаго класса. Съ какой любовью рисуетъ ее Некрасовъ: «Видимо чѣмъ-то она озабочена, но молода, хороша удивительно. Словно рукой геніальной обточено смуглое личико. Все въ ней плѣнительно. Тянутъ назадъ ея гололову милую волосы черные, сѣткою сжатые. Дышатъ какою-то сдержанной силою ноздри красивыя, вверхъ при-

поднятыя. Видно, что жгучая мысль безпокойная въ сердцѣ кипитъ, на просторъ порывается. Вся соразмѣрная, гордая, стройная, мнѣ эта женщина часто мечтается»... Но и эта прелестная женщина гибнетъ. Кутила-мужъ въ первый-же годъ послѣ свадьбы прокучиваетъ ея приданое, и не трудно отгадать, какая ужасная участь ожидаетъ бѣдную женщину въ близкомъ будущемъ. Вотъ красивая Наташа, поддерживающая своего отца развратомъ; вотъ несчастная женщина, отправляющаяся добыть развратомъ деньги на погребеніе сына, умершаго отъ голода и холода; вотъ русскія чудо-героини, оставляющія свѣтскій комфортъ и преодолѣвающія ужасныя препятствія, чтобы идти въ каторгу съ мужьями и тамъ погибнуть.... Все это превосходно написано, полно поэзіи, но ото-всего вѣетъ могилой, мрачной, черной безотрадностью.

Между стихотвореніями Некрасова, посвященными русскимъ женщинамъ, выдаются особенною задушевностію и глубиною тѣ, въ которыхъ онъ говоритъ о своей матери. Трудно, конечно, не имѣя подробныхъ біографическихъ данныхъ, разобрать, гдѣ «Я» поэта представляетъ Н. А. Некрасова и гдѣ оно есть просто поэтическое «Я». Но это собственно и не важно. Такъ типъ женщины, которую онъ рисуетъ подъ именемъ «матери», несомнѣнно принадлежитъ къ самымъ яркимъ и самымъ несчастнымъ, надрывающимъ сердце читателя типамъ. Прослѣдимъ его главнѣйшія черты:

«Треволненья мірскаго далекая, съ неземнымъ выра-

женьемъ въ очахъ, русокудрая, голубоокая, съ вѣчной грустью на нѣжныхъ чертахъ; подъ грозой—величаво безгласная, молода умерла ты, прекрасная!...» — говоритъ поэтъ въ одномъ мѣстѣ.

«Ужели въ моемъ дѣтствѣ нѣтъ отрады?»—спрашиваетъ у себя поэтъ въ другомъ мѣстѣ и отвѣчаетъ: «Увы, тамъ душно, тамъ пустыня! Любя, прощая, чуть дыша — тамъ угасаетъ, какъ рабыня, святая женская душа. Переступить порогъ не смѣя, тоски и ужаса полна, тамъ вянетъ сказочная фея въ волшебномъ замкѣ колдуна». Воображенье прихотливо рисуетъ ей другіе дни: въ чертогахъ, созданныхъ на диво, горятъ вѣнчальные огни. Невѣста ждетъ, женихъ приходитъ, — и рѣчь его тиха, нѣжна. Гдѣ умъ красавицы не бродитъ? Чего не думаетъ она? Ликуетъ день, щебечутъ птицы, красою блещутъ небеса; доходятъ до дверей темницы любви и воли голоса... Но ей нѣтъ воли, нѣтъ отрады!... Не нужно камней дорогихъ, возьмите пышные наряды! Гдѣ мать? Гдѣ сестры? Гдѣ женихъ? Гдѣ няня съ пѣсенкой и сказкой?? Никто не сжалится надъ ней,—и только докучаетъ лаской противный, старый чародѣй. Но нѣтъ!... Она любить не станетъ, скорѣй умретъ! Уходитъ онъ и въ гнѣвѣ подданныхъ тиранитъ. Кругомъ проклятья, вопли, стонъ..... Скорѣй, затворница нѣмая, рыданьемъ душу отведи! Терпи любя, терпи прощая, — и **лучшей участи не жди!**»

Къ этой надрывающей сердце картинѣ, къ этому крот-

кому и поэтическому женскому образу, глубоко и безнадежно страдающему, поэтъ возвращается нѣсколько разъ. Въ своихъ послѣднихъ пѣсняхъ онъ, наконецъ, рисуетъ его совершенно опредѣленными и не только поэтически, но и фактически вѣрными чертами. Но образъ остается тотъ-же: заживо погребенная поэтическая женская душа изнывающая въ безнадежной и въ безъисходной мукѣ. Этотъ женскій типъ царитъ у Некрасова надо всѣми другими.

Есть одна прелестная поэма Некрасова, написанная имъ въ какую-то счастливую минуту и не дышащая могилой и безнадежностью. Это «Саша». Она кончается звучнымъ, свѣтлымъ аккордомъ, заставляющимъ мечтать о лучшемъ будущемъ. Но эта поэма представляетъ *единственное* исключеніе изовсего, что Некрасовъ написалъ. *)

*) Прошу извиненія у читателей за небольшое отступленіе, которое позволяю себѣ сдѣлать по поводу этой прелестной поэмы; но всякая мелочь, относящаяся къ умершему поэту, — представляетъ для публики интересъ, и я сообщаю еще не извѣстную публикѣ новость. Есть у меня въ Кременчугѣ одинъ добрый другъ,—Германъ Розенталь, занимающійся въ свободное время поэзіей и обладающій очень недурнымъ поэтическимъ талантомъ. Онъ перевелъ и по моему мнѣнію очень хорошо Некрасовскую Сашу на нѣмецкій языкъ. Пусть читатели судятъ сами по слѣдующему отрывку, оставшемуся у меня въ памяти и нигдѣ еще не напечатанному. Вообще замѣчу, что я *все* цитирую на память а потому возможны нѣкоторыя ошибки. Переводчикъ, вѣроятно, извинитъ меня за нескромность.

Некрасовъ:

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нѣжно любили...

3. Третій довольно важный мотивъ поэзіи Некрасова — **русскій культурный человѣкъ**, съ его дрянностью

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
Смуглая Саша въ деревнѣ степной.
Всѣмъ окруживъ ея дикое дѣтство,
Что позволяли убогія средства,
Только развить воспитаньемъ, увы!
Эту головку не думали вы.
Умъ деревенскій пугаетъ наука,
Книги ребенку—напрасная мука.
Но сохраняется долго въ глуши,
Первоначальная ясность души.
Рдѣетъ румянецъ и ярче, и краше;
Мило и молодо дитятко ваше.
Бѣгаетъ живо. Горитъ, какъ алмазъ,
Черный и ясный смѣющійся глазъ.
Щеки румяны, и полны, и смуглы.
Брови такъ тонки, а плечи такъ круглы...
Саша не знаетъ заботъ и страстей,
А ужъ шеснадцать исполнилось ей!

Германъ Розенталь:

Ehrliche Leute, sie lebten gar friedlich,
Liebten gar herzlich ihr Töchterchen niedlich.
Wild wie die Feldblume wuchs sie heran.
Freuten sich alle, die Sascha nur sah'n.
Haben sie alle die Mittel umgeben,
Die nur erlaubt sind dem Armen im Leben.
Wichs euer liebliches Kind unterdessen
Habt sie jedoch zu erziehen vergessen.
Und zu entwickeln den hellen Verstand
Sorgten ihr nie. Ach, es ist ja bekant:
Dorfleute ängstigt und schreckt jedes Wissen
Ländliches Kind soll die Freiheit geniessen
Doch in der Wildheit bewahrt sich die Gluth.
Kindlicher Seele: die Klarheit der Muth

и слабостями, одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ онъ выразился: «Вы еще не въ могилѣ, вы живы; но для дѣла мертвы вы давно. **Суждены вамъ благіе порывы, но свершить ничего не дано**».

Перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ. На душу нападаетъ какой-то мрачный, гробовой туманъ... Я не могу разбирать дальнѣйшихъ, мелкихъ мотивовъ Некрасовской поэзіи. Полагаю, что и тѣхъ фактовъ, которые я привелъ, довольно, — даже слишкомъ довольно, чтобы мотивировать мое мнѣніе о немъ. Но я не могу и не хочу остановиться, не договоривши моего мнѣнія до конца. Я долженъ написать еще нѣсколько строкъ, какъ это мнѣ ни тяжело.

Неужели же въ самомъ дѣлѣ Россія, по мнѣнію Некрасова, только «могила мертваго народа?» Будемъ искать по всѣмъ его произведеніямъ, не найдемъ ли мы тамъ хоть чего-нибудь менѣе ужаснаго, менѣе безотраднаго, Есть! Есть!... Нашелъ! Въ «Несчастныхъ» онъ говоритъ устами одного изъ его героевъ про Россію слѣдующимъ образомъ: «Она не знаетъ середины. Черна — куда ни

Röthet die Wange so rosiger glühend.
Wächst euer Kind, wird stets lieblicher, blühend.
Bleibt immer munter. Es glänzt wie die Sonne
Lächelnd ihr funkelndes Auge vor Wonne...
Wangen so rosig, so voll und gesund,
Braunen so schattig, die Schultern so rund...
Leidenschaft kennt sie nicht, träumt kein'Gefahr.
Doch hat erreicht sie das sechszehnte Jahr.

погляди. Но не проѣлъ до сердцевины ее порокъ. **Въ ея груди бѣжитъ родникъ живой и чистый еще нѣмыхъ народныхъ силъ и подъ корой Сибири льдистой золотоносныхъ много жилъ».**

И такъ, единственная надежда Некрасова,—что еще до *сердцевины* Россія не съѣдена порокомъ, что живыя народныя силы могутъ еще обновить ее, хотя въ настоящее время она «черна», куда ни погляди. Я, впрочемъ, долженъ оговориться, что это воззрѣніе отнюдь не проходитъ черезъ всю поэзію Некрасова, а что рядомъ съ «живыми народными силами» онъ говоритъ о «мертвомъ народѣ» и оплакиваетъ его смерть.

Я долженъ откровенно, громко и смѣло заявить, что я вижу въ сопоставленіи приведенныхъ выше двухъ цитатъ изъ Некрасова коренное непримиримое противорѣчіе, которое проходитъ черезъ всю поэзію Некрасова и отниметъ у нея искренность и чувство мѣры. Я понимаю, что погребальный плачъ Некрасова надъ Россіею и русскою жизнью тронулъ милліоны сердецъ, что онъ указалъ на многія изъ нашихъ золъ, что онъ поддерживалъ постоянно интересъ къ народу, — однимъ словомъ, что онъ не прошелъ безслѣдно для русскаго общества. Въ этомъ большая заслуга Некрасова и отрицать ее никто не можетъ, кромѣ людей или непонимающихъ, или завѣдомонечестныхъ. Но, кромѣ возбужденія чувства и въ читателяхъ и интереса къ народу, слѣдуетъ каждому выдающемуся поэту предъявлять еще одно серьезное требованіе,

а именно, чтобы вся его поэзія производила единое, цѣльное и стройное впечатлѣніе, которое было бы легко формулировать, т. е., чтобы въ дѣятельности поэта высказался опредѣленный идеалъ. Только такой поэтъ, который внесъ что-нибудь опредѣленное въ человѣческую цивилизацію, который влекъ своихъ читателей на какой-нибудь опредѣленный путь и далъ имъ свою формулу, около которой группируются послѣдующіе бойцы,—можетъ имѣть право на названіе великаго поэта. Но для того, чтобы это сдѣлать, поэзія должна быть продуктомъ жизни. Душа и сердце поэта, лежащія въ его твореніяхъ и обнаруживающіяся въ его жизни, должны быть одни и тѣже. Съ этой точки зрѣнія жизнь поэта имѣетъ значеніе для оцѣнки его поэзіи. Мы знаемъ, напримѣръ, Виктора Гюго, поэта свободы и мысли, — который всю жизнь не жалѣлъ своей крови за свои идеалы, который пережилъ и народныя волненія, и изгнаніе, и парижскую осаду, и брюссельское ночное нападеніе... Мы ему вѣримъ,—потому что слово его заимствуетъ невыразимую убѣдительность изъ его жизни. — Но мы знаемъ и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бенедиктова, который, служа десятки лѣтъ гдѣ-то столоначальникомъ, а потомъ начальникомъ отдѣленія, воспѣвалъ вулканическія страсти и душевныя бури. Что изъ того, что Бенедиктовъ, въ свое время, имѣлъ громадный успѣхъ? Все-таки его поэзія безъ идеала и неискренна.

Но между этими полюсами могутъ быть дѣйстви-

тельно талантливыя личности, живущія какими-то судорожными порывами и искреннія въ разгарѣ своего вдохновенія. Но это не та искренность, которая даетъ вѣчную жизнь и свѣтлый идеалъ поэзіи. Это, такъ сказать, искренность частичная, которая можетъ создать отдѣльныя произведенія, полныя поэзіи, но никогда не создаетъ великаго и дорогого для человѣчества поэтическаго цѣлаго, въ которомъ-бы на вѣки вѣчные жилъ образъ поэта и гдѣ-бы заключалась его душа, его вкладъ въ цивилизацію и его завѣтные идеалы.

Некрасовъ, по моему мнѣнію, не великій поэтъ.

О его воззрѣніяхъ на народъ и о его партіи я поговорю когда-нибудь особо. Это предметъ, полный глубокаго интереса.

S. S.

„Правда“, 1878 г. № 2.

Н. А. Некрасовъ.

(Некрологъ.)

Читатели въ сегодняшнемъ номерѣ *Обзора* найдутъ телеграмму нашего петербургскаго корреспондента о похоронахъ *Н. А. Некрасова*. Изъ нея мы впервые узнали о смерти наиболѣе выдающагося изъ нашихъ поэтовъ, о смерти человѣка, игравшаго необычайно важную роль въ исторіи русской литературы втеченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Достойно сожалѣнія, что *Международное телеграфное Агенство* не сочло нужнымъ удѣлить два слова «Некрасовъ умеръ» въ одной изъ многочисленныхъ своихъ телеграммъ, чтобы возвѣстить Россіи о смерти виднѣйшаго изъ ея современныхъ поэтовъ. Но сигналисты, завѣдывающіе этимъ агентствомъ, вѣроятно не знаютъ, что существуетъ на свѣтѣ вещь, именуемая русскою литературою, и что въ этой литературѣ былъ человѣкъ, называемый Некрасовымъ.

Пишущему эти строки неизвѣстны біографическія подробности о покойномъ поэтѣ. Ими, по свей вѣроятности, наводнены будутъ столичныя газеты, и мы тогда въ состояніи будемъ познакомить нашихъ читателей съ внѣшнею стороною жизни Н. А. Некрасова. Но чего, мы увѣрены, не дадутъ петербургскія газеты, — это полной характеристики литературной дѣятельности покойнаго. Объ этой сторонѣ мы можемъ сказать нѣсколько словъ, на основаніи литературныхъ произведеній Некрасова и литературныхъ отзывовъ о немъ лицъ, близко стоявшихъ къ его дѣятельности.

Литературную дѣятельность свою покойный поэтъ началъ изданіемъ сборника своихъ первыхъ стихотвореній. Въ своихъ *Литературныхъ воспоминаніяхъ* И. И. Панаевъ писалъ, что первые стихи поэта были даже рабскаго характера. Сблизившись съ кружкомъ передовыхъ писателей и усвоивъ себѣ либеральный образъ мыслей, Некрасовъ счелъ нужнымъ скупить экземпляры своей книги и предать ихъ всесожженію. Не смотря на всѣ исканія лицъ, желавшихъ достать экземпляръ этой книжки, лица эти не достигли цѣли. Даже публичная библіотека, говорятъ, не имѣетъ въ своихъ коллекціяхъ этой рѣдкой книги.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда г. Краевскій предпринялъ изданіе *Отечественныхъ Записокъ*, Некрасовъ принялся работать въ этомъ журналѣ, снабжая его критическій отдѣлъ и его *смѣсь* всевозможными за-

мѣтками, рецензіями и отмѣтками. Онъ писалъ обо всемъ, и въ теченіи чуть ли не цѣлыхъ шести лѣтъ представлялъ собою типъ журнальнаго чернорабочаго, въ которомъ поэтъ не могъ предвидѣть будущаго свѣтила журнальной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пробовалъ печататься въ различныхъ альманахахъ и журнальчикахъ, помѣщая въ нихъ стишки, неимѣвшіе ни малѣйшаго успѣха.

Около 1845 г. изъ числа многихъ такихъ стихотвореній одно обратило на себя вниманіе Бѣлинскаго. То было знаменитое стихотвореніе «*Въ дорогѣ*», печатаемое во главѣ всѣхъ изданій его сочиненій. Въ письмахъ Бѣлинскаго сохранились восторженные отзывы объ этомъ стихотвореніи и о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на геніальнаго критика. Бѣлинскій тогда же предсказалъ Некрасову блестящую будущность, увѣрилъ его, что онъ попалъ въ свою сферу, напалъ на ту струну, которая выразитъ всю силу его таланта.

Въ тѣ времена, на ряду съ русскою «натуральною», какъ тогда называли, или «реальною», какъ называютъ теперь, школою Гоголя, въ нашей литературѣ господствовали два своеобразныя направленія, оба заимствованныя изъ французской. Одно заключалось въ сантиментальномъ разжалобливаніи читателей страданіями «несчастныхъ», и было привито къ намъ Жоржъ-Зандомъ, тогда находившимся подъ вліяніемъ Пьера Леру, другое имѣло у насъ большой успѣхъ, благодаря своему сродству съ натураль-

ною школою. Оно заключалось въ «физіологическомъ» очерчиваніи разнаго рода типовъ дѣйствительности, и пересажено было къ намъ отъ Анри Монье и его многочисленныхъ подражателей. Некрасовъ съумѣлъ взять дань съ обоихъ этихъ направленій. Музу свою онъ посвятилъ на служеніе перваго, тогда какъ изданіямъ произведеній втораго посвящены были его скудныя средства. Задуманный и изданный имъ въ 1846 г. *Петербургскій Сборникъ* составилъ явленіе въ русской литературѣ. Тутъ рядомъ съ «*Бѣдными людьми*» г. Достоевскаго помѣщенъ былъ *Помѣщикъ* г. Тургенева, *Мортингалъ* Ѳ. Одоевскаго, *Макбетъ* въ переводѣ Кронеберга. Остальныя статьи Сборника состояли изъ произведеній Бѣлинскаго, и другихъ. Успѣхъ Сборника былъ громадный, невиданный до того. Этотъ успѣхъ послужилъ рѣшительнымъ поворотомъ въ судьбѣ Некрасова.

Бѣлинскій тяготился въ то время своими отношеніями къ *Отеч. Запискамъ*, своимъ бѣдственнымъ положеніемъ «чернорабочаго», принужденнаго за ничтожную плату писать въ журналѣ обо всемъ, чуть-ли не о ваксѣ. Переписка Бѣлинскаго (знаменитое письмо его, открытое въ 1869 г. близь Сухаревой башни) и заявленія г. Краевскаго показываютъ, что ему улыбалась мысль основать собственный журналъ. Такъ какъ не было ни малѣйшей возможности исходатайствовать разрѣшеніе или купить какой нибудь существующій журналъ на его имя, то рѣшено было, что Панаевъ и Некрасовъ пріобрѣтутъ отъ

г. Плетнева право на изданіе *Современника*, а Бѣлинскій будетъ заправлять и руководить журналомъ. Сначала дѣло такъ именно и пошло. Успѣхъ *Современника*, которому Бѣлинскій доставилъ, сверхъ своего сотрудничества, содѣйствіе лучшихъ силъ литературы и сочувствіе лучшей части публики, превзошелъ ожиданія издателей. Но черезъ годъ, какъ видно изъ сухаревскаго *письма* Бѣлинскаго, великій критикъ былъ оттертъ отъ издательства и низведенъ въ *Современникъ* на такую же роль по отношенію къ Некрасову, какую игралъ въ *Отеч. Записк.* по отношенію къ г. Краевскому, т. е. на роль чернорабочаго.

Некрасовъ, однакожъ, не остался неблагодарнымъ къ своему учителю. Онъ посвятилъ его памяти стихотвореніе Б—му: Бѣлинскому

«Наивная и страстная душа,
«Въ комъ помыслы высокіе кипѣли» и т. д

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ жалуется на то, что плоды трудовъ Бѣлинскаго досталось вкушать не самому Бѣлинскому, а другимъ....

Послѣ смерти Бѣлинскаго, съ 1848 года, *Современникъ* влачилъ печальное существованіе. Онъ жилъ традиціею, вплоть до 1856 г., когда Некрасовъ пріобрѣлъ сотрудничество новаго таланта, не уступавшаго Бѣлинскому. Чернышевскій г.

Необыкновенный шумъ, произведенный въ журналистикѣ появленіемъ диссертаціи: «*Отношенія искусства къ дѣйствительности*,» служащей исходнымъ пунктомъ

Послѣдняя петербургская почта принесла извѣстіе, что 27 декабря въ $8^1/_2$ ч. вечера скончался Николай Алексѣевичъ Некрасовъ послѣ тяжкой двухлѣтней болѣзни. Вѣсть объ этой горестной и преждевременной кончинѣ будетъ повсюду встрѣчена въ Россіи съ одинаковымъ чувствомъ; русская земля, которую такъ любилъ покойный поэтъ и которую онъ воспѣлъ, какъ никто не воспѣвалъ своей родины, лишилась одного изъ величайшихъ сыновей своихъ, тѣхъ сыновей, которые умѣютъ жить жизнью своей матери-родины, умѣютъ страдать ея страданіями, плакать ея слезами и этимъ общеніемъ съ душею своего народа вливать въ нее лучшее, благороднѣйшее стремленіе и вселять порывы и чувства, которыхъ не многимъ суждено испытывать, не только вызывать въ другихъ. Поэзія Некрасова составляетъ одно изъ самыхъ дорогихъ достояній русской литературы, одинъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ въ русскую общественность.

Обратимся теперь къ характеристикѣ Некрасова, какъ поэта и какъ издателя.

Отличительное качество поэтическихъ произведеній Некрасова—ихъ *содержаніе*. Его скорѣе можно назвать рифмующимъ публицистомъ, чѣмъ поэтомъ, потому что только въ нѣсколькихъ рѣдкихъ сочиненіяхъ ему удалось блеснуть тамъ и сямъ силою поэтическаго таланта, выдвигающею его изъ ряда обыкновенныхъ стихотворцевъ. Большинство же его стихотвореній отличается отсутствіемъ поэтическихъ образовъ, стальной мѣткости и краткости стиха, и легкости или граціозности формы. Читая ихъ, вы невольно сочувствуете ихъ «дѣланность», и вмѣсто спонтанности поэтическаго вдохновенія, передь вами стоитъ трудъ поэта. Самъ Некрасовъ отлично охарактеризовалъ эту черту своей дѣятельности, высказавъ о своихъ стихахъ:

Не льщусь, чтобы въ памяти народной
Сохранилось что нибудь изъ нихъ:
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной
Неуклюжій, тяжелый мой стихъ! *)

Тѣмъ не менѣе «гражданская скорбь» и сила мысли придала этимъ произведеніямъ глубокое значеніе для нашей поэзіи, и Некрасовъ, благодаря имъ, сталъ во главѣ той группы поэтовъ, которая держится воззрѣній «искусства для жизни».

*) У Некрасова: Но не льщусь, чтобъ въ памяти нар дной
Уцѣлѣло что нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Издат.

Наиболѣе блестящій періодъ дѣятельности Некрасова относится ко времени процвѣтанія *Современника*. Тэмы стихотвореній того времени отличаются несомнѣнною силой и глубиною. Вѣрно, что паденіе *Современника* уронило и дарованіе Некрасова: всѣ его послѣдующія произведенія отличаются уже ходульностью замысла, недодѣланностью формы и избитостью сюжета. Рѣдкія изъ нихъ возвышаются надъ массою рифмованныхъ «замѣтокъ». Это обстоятельство въ значительной степени подтверждаетъ увѣреніе г. Антоновича *), что тэмы произведеній Некрасова внушались ему лицами, составлявшими главную силу его журнала. До какой легкости довелъ Некрасовъ въ себѣ эту способность ассимиляціи чужихъ мыслей и образовъ, подверждаетъ впрочемъ другой литературный фактъ. Извѣстное стихотвореніе Некрасова *Осторожность*, очерчивающее положенія пишущей братіи послѣ уничтоженія предварительной цензуры, дословно списано съ этюда г. Суворина *Всякіе*, печатавшагося въ *Спб. Вѣдомостяхъ* въ 1866 г.

Тѣмъ не менѣе и какъ бы то ни было, Некрасовъ съумѣлъ врѣзать свое имя въ исторію русской поэзіи и не очень далеко отъ имени Лермонтова. А это, что ни говорите, не легко.

Несмотря однакожъ на несомнѣнное значеніе его поэтическихъ произведеній, не имъ обязанъ онъ своею

*) «Матеріалы для характеристики современной русской литературы» гг. Антоновича и Жуковскаго. Спб. 1869.

славой, а тѣмъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ русской журналистикѣ въ теченіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ. Перейдемъ же къ этому положенію.

Какъ журналистъ, Некрасовъ былъ чутокъ къ движенію русской мысли и умѣлъ привлекать къ себѣ выдающихся дѣятелей передоваго образа мыслей. Пока ему везло въ выборѣ, пока онъ могъ опираться на людей въ родѣ автора *эстетическихъ отношеній* или Добролюбова, онъ былъ неуязвимъ, былъ на мѣстѣ. Но, лишившись своихъ руководителей и оставшись одинъ, онъ не умѣлъ создавать новыхъ фазисовъ, не умѣлъ идти *дальше* по указанному пути. Мало этого, онъ не умѣлъ даже держаться традиціи въ существенныхъ чертахъ. Дѣятельность *Современника* въ 1846 — 1856 гг. и *Отечественныхъ Записокъ* 1868—1877 гг. обнаружила въ немъ лишь ловкость, умѣть соблюдать ширмы и внѣшность традиціи, между тѣмъ какъ все внутреннее содержаніе ея опровергалось и втаптывалось въ грязь за этими ширмами. Нечего и говорить о движеніи впередъ, о согласованіи взглядовъ теоріи съ новыми обстоятельствами жизни и т. п.

Тѣмъ не менѣе, будучи постоянно окруженъ модными людьми русскаго либерализма, онъ съумѣлъ сдѣлаться распредѣлителемъ репутацій, съумѣлъ пріобрѣсть себѣ, если не уваженіе, то страхъ и подчиненіе слабыхъ писателей, и молчаніе конкуррентовъ. Онъ долго и до послѣдняго времени былъ такою силою, что выдающіеся и пови-

димому независимые редакторы прямо сознавались, что не рѣшаются не только вступить съ нимъ въ борьбу, но и *задѣть* его.

Какъ въ поэзіи, такъ и въ журналѣ, если Некрасовъ съумѣлъ найдти возможность быть радикальнымъ до границъ дозволеннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ нетолько не пострадать отъ такого радикализма, но и выиграть. Ни одно изъ крупнѣйшихъ явленій нашей общественной и политической жизни, не вызвало ни въ поэзіи Некрасова, ни въ заправляемыхъ имъ лично журналахъ, ничего особенно выдающагося, отмѣченнаго печатью силы и вліянія. Добивать убитыхъ, обходить всесильныхъ, презирать безсильныхъ и идти мѣрнымъ, осторожнымъ шагомъ по битой-перебитой колеѣ — вотъ квинтъ-эссенція его журнальной, а отчасти и поэтической дѣятельности. Но повторяемъ, видно, что общество его времени нуждалось въ этомъ, — иначе онъ не имѣлъ бы того успѣха, который выпалъ на его долю.

Въ Некрасовѣ мы видимъ первый примѣръ сатирической и радикальной музы, достигшей при жизни полнаго почета и вліянія, не увѣнчанной терновымъ вѣнкомъ. Конецъ его жизни представляетъ, напротивъ: тихое и спокойное пользованіе репутаціею и богатствомъ, пріобрѣтенными долговременнымъ и упорнымъ трудомъ, но отчасти также и благодаря слѣпой фортунѣ, къ ласкамъ которой не долженъ былъ бы прибѣгать поэтъ гражданинъ.

Въ сущности, Некрасовъ далъ родной литературѣ все, что могъ дать ей, съ излишкомъ даже. Его пѣсня давно уже была спѣта, и ничего недосказаннаго, непонятнаго не унесъ собою въ могилу этотъ созрѣвшій и перезрѣвшій талантъ. Отдавая полную справедливость его заслугамъ, но не преувеличивая ихъ, мы закончимъ пожеланіемъ, чтобы въ русской литературѣ каждый литературный талантъ и каждый общественный дѣятель былъ такъ же счастливъ, какъ Некрасовъ, чтобы они, подобно ему, могли кончить свою дѣятельность въ почетѣ и довольствѣ, досказавъ свое послѣднее слово, и закрывать глаза безъ попеченій о семьѣ и родныхъ. Къ сожалѣнію, съ нашими писателями это невиданный примѣръ. Они обыкновенно кончаютъ дни свои въ рубищѣ нищеты,—всѣми забытые, покинутые даже тѣми, кто обогащенъ, прославленъ, увѣнчанъ и возвеличенъ ихъ мыслію, трудомъ и самоотверженіемъ. Некрасовъ избѣгъ такой доли.

(Обзоръ, 3 Янв. 1878 г. № 2).

Смерть Некрасова. О томъ, что сказано на его могилѣ.

Умеръ Некрасовъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ за мѣсяцъ до его смерти. Онъ казался тогда почти уже трупомъ, такъ что странно было даже видѣть, что такой трупъ говоритъ, шевелитъ губами. Но онъ не только говорилъ, но и сохранилъ всю ясность ума. Кажется, онъ все еще не вѣрилъ въ возможность близкой смерти. За недѣлю до смерти съ нимъ былъ параличъ правой стороны тѣла, и вотъ 28 утромъ я узналъ, что Некрасовъ умеръ наканунѣ, 27-го, въ 8 часовъ вечера. Въ тотъ же день я пошелъ къ нему. Страшно изможденное страданіемъ и искаженное лицо его какъ-то особенно поражало. Уходя, я слышалъ, какъ псалтирщикъ чотко и и протяжно прочелъ надъ покойнымъ: «Нѣсть человѣкъ

ніе не согрѣшитъ». Воротясь домой, я не могъ уже сѣсть за работу; взялъ всѣ три тома Некрасова и сталъ читать съ первой страницы. Я просидѣлъ всю ночь до шести часовъ утра, и всѣ эти тридцать лѣтъ какъ будто я прожилъ снова. Эти первыя четыре стихотворенія, которыми начинается первый томъ его стиховъ, появились въ Петербургскомъ Сборникѣ, въ которомъ явилась и моя первая повѣсть. Затѣмъ, по мѣрѣ чтенія, (а я читалъ сподрядъ) передо мной пронеслась какъ бы вся моя жизнь. Я узналъ и припомнилъ и тѣ изъ стиховъ его, которые первыми прочелъ въ Сибири, когда выйдя изъ моего четырехлѣтняго заключенія въ острогѣ, добился наконецъ до права взять въ руки книгу. Припомнилъ и впечатлѣніе тогдашнее. Короче, въ эту ночь я перечелъ чуть не двѣ трети всего, что написалъ Некрасовъ и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ: какъ много Некрасовъ, какъ поэтъ, во всѣ эти тридцать лѣтъ, занималъ мѣста въ моей жизни! Какъ поэтъ, конечно. Лично мы сходились мало и рѣдко и лишь однажды вполнѣ съ беззавѣтнымъ, горячимъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знакомства, въ сорокъ пятомъ году, въ эпоху «Бѣдныхъ людей». Но я уже разсказывалъ объ этомъ. Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя разъ навсегда, обрисовался передо мною этотъ загадочный человѣкъ самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце,

и эта то *никогда не заживавшая* рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери, та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали и тогда предчувствіе, что если будетъ что нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужь конечно лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись, гдѣ нибудь украдкой, чтобъ не видали (какъ разсказывалъ онъ мнѣ) съ мученицей матерью, съ существомъ, столь любившимъ его. Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни его не могла бы, такъ же какъ эта, повліять и властительно подѣйствовать на его волю и на иныя темныя неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда. Потомъ, помню, мы какъ-то разошлись, и довольно скоро; близость наша другъ съ другомъ продолжалась не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Помогли и недоразумѣнія, и внѣшнія обстоятельства, и добрые люди. За тѣмъ, много лѣтъ спустя, когда я уже воротился изъ Сибири, мы хоть и не сходились часто, но не смотря даже на разницу въ убѣжденіяхъ, уже тогда начинавшуюся, встрѣчаясь, говорили иногда другъ другу

даже странныя вещи—точно какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-то продолжалось въ нашей жизни, начатое еще въ юности, еще въ сорокъ пятомъ году и какъ бы не хотѣло и не могло прерваться, хотя бы мы и по годамъ не встрѣчались другъ съ другомъ. Такъ, однажды въ шестьдесятъ третьемъ, кажется, году, отдавая мнѣ томикъ своихъ стиховъ, онъ указалъ мнѣ на одно стихотвореніе, «Несчастные» и внушительно сказалъ: «Я тутъ объ васъ думалъ, когда писалъ это», (т. е. объ моей жизни въ Сибири), «это объ васъ написано». И наконецъ тоже въ послѣднее время мы стали опять иногда видать другъ друга, когда я печаталъ въ его журналѣ мой романъ «Подростокъ»...

На похороны Некрасова собралось нѣсколько тысячъ его почитателей. Много было учащейся молодежи. Процессія выноса началась въ 9 часовъ утра, а разошлись съ кладбища уже въ сумерки. Много говорилось на его гробѣ рѣчей, изъ литераторовъ говорили мало. Между прочимъ, прочтены были чьи-то прекрасные стихи. Находясь подъ глубокимъ впечатлѣніемъ, я протѣснился къ его раскрытой еще могилѣ, забросанной цвѣтами и вѣнками, и слабымъ моимъ голосомъ произнесъ вслѣдъ за прочими нѣсколько словъ. Я именно началъ съ того, что это было раненое сердце, разъ на всю жизнь, и не закрывавшаяся рана эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной до мученія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ, отъ насилія, отъ жестокости необузданной воли,

что гнететъ нашу русскую женщину, нашего ребенка въ русской семьѣ, нашего простолюдина въ горькой, такъ часто, долѣ его. Высказалъ тоже мое убѣжденіе, что въ поэзіи нашей Некрасовъ заключилъ собою рядъ тѣхъ поэтовъ, которые приходили со своимъ «новымъ словомъ». Въ самомъ дѣлѣ, (устраняя всякій вопросъ о художнической силѣ его поэзіи и о размѣрахъ ея), Некрасовъ дѣйствительно былъ въ высшей степени своеобразенъ и дѣйствительно приходилъ съ «новымъ словомъ». Былъ напримѣръ, въ свое время поэтъ Тютчевъ, поэтъ обширнѣе его и художественнѣе, и, однако, Тютчевъ никогда не займетъ такого виднаго памятнаго мѣста въ литературѣ нашей, какое, безспорно, останется за Некрасовымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ, въ ряду поэтовъ (т. е. приходившихъ съ «новымъ словомъ»), долженъ прямо стоять вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Когда я вслухъ выразилъ эту мысль, то произошелъ одинъ маленькій эпизодъ: одинъ голосъ изъ толпы крикнулъ, что Некрасовъ былъ *выше* Пушкина и Лермонтова, и что тѣ были всего только «байронисты». Нѣсколько голосовъ подхватили и крикнули: «да, выше!» Я, впрочемъ, о высотѣ и о сравнительныхъ размѣрахъ трехъ поэтовъ и не думалъ высказываться. Но вотъ, что вышло потомъ: въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», г. Скабичевскій, въ посланіи своемъ къ молодежи по поводу значенія Некрасова, разсказывая, что будто бы когда *кто-то*, (т. е. я) на могилѣ Некрасова, «вздумалъ сравнивать имя его съ именами Пушкина и Лермонтова,

вы всѣ, (т. е. вся учащащаяся молодежь) *въ одинъ голосъ хоромъ* прокричали: «онъ былъ выше, выше ихъ». Смѣю увѣрить г. Скабичевскаго, что ему не такъ передали, и что мнѣ твердо помнится (надѣюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнулъ всего одинъ голосъ: «выше, выше ихъ» и тутъ же прибавилъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ были «байронисты» — прибавка, которая гораздо свойственнѣе и и естественнѣе одному голосу и мнѣнію, чѣмъ *всѣмъ*, въ одинъ и тотъ-же моментъ, т. е. тысячному хору — такъ что фактъ этотъ свидѣтельствуетъ, конечно, скорѣе въ пользу моего показанія о томъ, какъ было это дѣло. И за тѣмъ уже, сейчасъ послѣ перваго голоса, крикнуло еще нѣсколько голосовъ, но всего только нѣсколько, тысячнаго-же хора я не слыхалъ, повторяю это и надѣюсь, что въ этомъ не ошибаюсь.

Я потому такъ на этомъ настаиваю, что мнѣ все же было бы чувствительно видѣть, что *вся* наша молодежь впадаетъ въ такую ошибку. Благодарность къ великимъ отошедшимъ именамъ должна быть присуща молодому сердцу. Безъ сомнѣнія, ироническій крикъ о байронистахъ и возгласы: «выше, выше», — произошли вовсе не отъ желанія затѣять надъ раскрытой могилой дорогаго покойника литературный споръ, что было бы неумѣстно, а что тутъ просто былъ горячій порывъ заявить какъ можно сильнѣе все накопившееся въ сердцѣ чувство умиленія, благодарности и восторга къ великому и столь сильно волновавшему насъ поэту, и который, хотя и въ гробѣ, но все

еще къ намъ такъ близокъ (ну, а тѣ-то великіе прежніе старики уже такъ далеко!). Но весь этотъ эпизодъ, тогда-же на мѣстѣ, зажегъ во мнѣ намѣреніе объяснить мою мысль яснѣе въ будущемъ № «Дневника» и выразить подробнѣе, какъ смотрю я на такое замѣчательное и чрезвычайное явленіе въ нашей жизни и въ нашей поэзіи, какимъ былъ Некрасовъ и въ чемъ именно заключается, по моему, суть и смыслъ этого явленія.

II.

Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ.

И во первыхъ, словомъ: «байронистъ» браниться нельзя. Байронизмъ хоть былъ и моментальнымъ, но великимъ, святымъ и необходимымъ явленіемъ въ жизни европейскаго человѣчества, да чуть-ли не въ жизни и всего человѣчества. Байронизмъ появился въ минуту страшной тоски людей, разочарованія ихъ и почти отчаянія. Послѣ изступленныхъ восторговъ новой вѣры въ новые идеалы, провозглашенной въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи,—въ передовой тогда націи европейскаго человѣчества, наступилъ исходъ, столь не похожій на то, чего ожидали, столь обманувшій вѣру людей, что никогда, можетъ быть, не было въ исторіи западной Европы столь грустной минуты. И не отъ однихъ только внѣшнихъ

(политическихъ) причинъ пали вновь воздвигнутые на мигъ кумиры, но и отъ внутренней несостоятельности ихъ, что ясно увидѣли всѣ прозорливыя сердца и передовые умы. Новый *исходъ* еще не обозначался, и все задыхалось подъ страшно понизившимся и съузившимся надъ человѣчествомъ прежнимъ его горизонтомъ. Старые кумиры лежали разбитые. И вотъ, въ эту то минуту и явился великій и могучій геній, страстный поэтъ. Въ его звукахъ зазвучала тогдашняя тоска человѣчества и мрачное разочарованіе его въ своемъ назначеніи и въ обманувшихъ его идеалахъ. Это была новая и неслыханная еще тогда муза мести и печали, проклятія и отчаянія. Духъ байронизма вдругъ пронесся какъ бы по всему человѣчеству, все оно откликнулось ему. Это именно было какъ бы отворенный клапанъ; по крайней мѣрѣ среди всеобщихъ и глухихъ стоновъ, даже большею частью безсознательныхъ, это именно былъ тотъ могучій крикъ, въ которомъ соединились и согласились всѣ крики и стоны человѣчества. Какъ было не отликнуться на него и у насъ, да еще такому великому, геніальному и руководящему уму какъ Пушкинъ? Всякій сильный умъ и всякое великодушное сердце не могли и у насъ тогда миновать байронизма. Да и не по одному лишь сочувствію къ Европѣ и къ европейскому человѣчеству издали, а потому, что и у насъ, и въ Россіи, какъ разъ къ тому времени, обозначилось слишкомъ много новыхъ, неразрѣшенныхъ и мучительныхъ тоже вопросовъ, и слишкомъ много старыхъ

разочарованій... Но величіе Пушкина, какъ руководящаго генія, состояло именно въ томъ, что онъ такъ скоро, и окруженный почти совсѣмъ не понимавшими его людьми, нашелъ твердую дорогу, *нашелъ великій и вождѣленный исходъ для насъ русскихъ и указалъ на него.* Этотъ исходъ былъ — народность, *преклоненіе передъ правдой народа русскаго.* «Пушкинъ былъ явленіе великое, чрезвычайное». Пушкинъ былъ «не только русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ». Не понимать русскому Пушкина, значитъ не имѣть права называться русскимъ. Онъ понялъ русскій народъ и постигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ никогда и никто. Не говорю уже о томъ, что онъ всечеловѣчностью генія своего и способностью откликаться на всѣ многоразличныя духовныя стороны европейскаго человѣчества, и почти перевоплощаться въ геніи чужихъ народовъ и національностей, засвидѣтельствовалъ о всечеловѣчности и всеобъемлемости русскаго духа и тѣмъ какъ бы провозвѣстилъ и о будущемъ предназначеніи генія Россіи во всемъ человѣчествѣ, какъ всеединяющаго, всепримиряющаго и всевозрождающаго въ немъ начала. Не скажу и о томъ даже, что Пушкинъ первый у насъ, въ тоскѣ своей и въ пророческомъ предвидѣніи своемъ, воскликнулъ:

Увижу-ли народъ освобожденный
И рабство падшее по манію Царя!

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина къ народу русскому. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую еще никто не выказывалъ до него. «Не люби ты меня, а полюби ты *мое*» — вотъ что вамъ скажетъ всегда народъ, если захочетъ увѣриться въ искренности вашей любви къ нему.

Полюбить т. е. пожалѣть народъ за его нужды, бѣдность, страданія, можетъ и всякій баринъ, особенно, изъ гуманныхъ и европейски просвѣщенныхъ. Но народу *надо*, чтобъ его не за одни страданія его любили, а чтобъ полюбили и *его самого*. Что же значитъ *полюбить его самого?* «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту» — вотъ что это значитъ и вотъ какъ вамъ отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не признаетъ, сколько бы тамъ объ немъ ни печалились. Фальшь тоже всегда разглядитъ, какими-бы жалкими словами вы ни соблазняли его. Пушкинъ именно такъ полюбилъ народъ, какъ народъ того требуетъ, и онъ не угадывалъ, какъ надо любить народъ, не приготовлялся, не учился: онъ самъ вдругъ оказался народомъ. Онъ преклонился передъ правдой народною, онъ призналъ народную правду, какъ свою правду. Не смотря на всѣ пороки народа и многія смердящія привычки его, онъ съумѣлъ различить великую суть его духа тогда, когда никто почти такъ не смотрѣлъ на народъ, и принялъ эту суть народную въ свою душу, какъ свой идеалъ. И это тогда, когда самые

наиболѣе гуманные и европейски развитые любители народа русскаго сожалѣли откровенно, что народъ нашъ столь низокъ, что никакъ не можетъ подняться до парижской уличной толпы. Въ сущности, эти любители всегда презирали народъ. Они вѣрили, главное, что онъ рабъ, рабствомъ же извиняли паденіе его, но раба не могли вѣдь любить, рабъ все-таки былъ отвратителенъ. Пушкинъ первый объявилъ, что русскій человѣкъ *не рабъ*, и никогда не былъ имъ, не смотря на многовѣковое рабство. Было рабство, но не было рабовъ (въ цѣломъ конечно, въ общемъ, не въ частныхъ исключеніяхъ)— вотъ тезисъ Пушкина. Онъ даже по виду, по походкѣ русскаго мужика заключалъ, что это не рабъ и не можетъ быть рабомъ (хотя и состоитъ въ рабствѣ),—черта свидѣтельствующая въ Пушкинѣ о глубокой непосредственной любви къ народу. Онъ призналъ и высокое чувство собственнаго достоинства въ народѣ нашемъ (опять-таки въ цѣломъ, мимо всегдашнихъ и неотразимыхъ исключеній), онъ предвидѣлъ то спокойное достоинство, съ которымъ народъ нашъ приметъ и освобожденіе свое отъ крѣпостнаго состоянія,—чего не понимали, напримѣръ, замѣчательнѣйшіе образованные русскіе европейцы уже гораздо позднѣе Пушкина и ожидали совсѣмъ другого отъ народа нашего. О, они любили народъ искренно и горячо, но по своему, т. е. по европейски. Они кричали о звѣриномъ состояніи народа, о звѣриномъ положеніи его въ крѣпостномъ рабствѣ, но и вѣрили всѣмъ сердцемъ

своимъ, что народъ нашъ дѣйствительно звѣрь. И вдругъ этотъ народъ очутился свободнымъ съ такимъ мужественнымъ достоинствомъ, безъ малѣйшаго позыва на оскорбленіе бывшихъ владѣтелей своихъ: «Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ, если хочешь—иди ко мнѣ, за твое хорошее всегда тебѣ отъ меня честь». Да, для многихъ нашъ крестьянинъ по освобожденіи своемъ явился страннымъ недоумѣніемъ. Многіе даже рѣшили, что это въ немъ отъ неразвитости и тупости, остатковъ прежняго рабства. И это теперь, чтоже было во времена Пушкина? Не я ли слышалъ самъ, въ юности моей, отъ людей передовыхъ и «компетентныхъ», что образъ Пушкинскаго Савельича въ «Капитанской дочкѣ», раба помѣщиковъ Гриневыхъ, упавшаго въ ноги Пугачеву и просившаго его пощадить барченка, а «для примѣра и страха ради повѣсить ужь лучше его, старика», — что этотъ образъ, не только есть образъ раба, но и апофеозъ русскаго рабства!

Пушкинъ любилъ народъ не за одни только страданія его. За страданія сожалѣютъ, а сожалѣніе такъ часто идетъ рядомъ съ презрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любилъ этотъ народъ, что тотъ чтилъ. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ не баринъ, милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горькую участь, это былъ человѣкъ самъ перевоплощавшійся сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ его.

Умаленіе Пушкина какъ поэта болѣе исторически, болѣе архаически преданнаго народу, чѣмъ на дѣлѣ — ошибочно и не имѣетъ даже смысла. Въ этихъ историческихъ и архаическихъ мотивахъ звучитъ такая любовь и такая *оцѣнка народа*, которая принадлежитъ народу *вѣковѣчно*, всегда и теперь и въ будущемъ, а не въ одномъ только какомъ-нибудь давно прошедшемъ историческомъ народѣ. Народъ нашъ любитъ свою исторію главное за то, что въ ней встрѣчаетъ незыблемою ту же самую святыню, въ которую сохранилъ онъсвою вѣру и теперь, не смотря на всѣ страданія и мытарства свои. Начиная съ велича вой, огромной фигуры лѣтописца въ Борисѣ Годуновѣ до изображенія спутниковъ Пугачева, — все это у Пушкина — народъ въ его глубочайшихъ проявленіяхъ, и все это понятно народу, какъ собственная суть его. Да это ли одно? Русскій духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жилка бьется вездѣ. Въ великихъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ пѣсняхъ будто бы западныхъ славянъ, но которыя сутъ явно порожденіе русскаго великаго духа, вылилось все воззрѣніе русскаго на братьевъ славянъ, вылилось все сердце русское, объявилось все міровоззрѣніе народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, сказаніяхъ, высказалось все что любитъ и чтитъ народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, народныхъ защитниковъ и печальниковъ, образы мужества, смиренія, любви и жертвы. А такія прелестныя шутки Пушкина, какъ напримѣръ, болтовня двухъ

пьяныхъ мужиковъ или Сказаніе о Медвѣдѣ, у котораго убили медвѣдицу—это уже что то любовное, что то милое и умиленное въ его созерцаніи народа. Еслибъ Пушкинъ прожилъ дольше, то оставилъ бы намъ такія художественныя сокровища для пониманія народнаго, которыя, вліяніемъ своимъ, навѣрно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенціи нашей, столь возвышающейся и до сихъ поръ надъ народомъ въ гордости своего европеизма,—къ народной правдѣ, къ народной силѣ и къ сознанію народнаго назначенія. Вотъ это-то поклоненіе передъ правдой народа вижу я отчасти (увы, можетъ быть одинъ я изъ всѣхъ его почитателей) и въ Некрасовѣ, въ сильнѣйшихъ произведеніяхъ его. Мнѣ дорого, очень дорого, что онъ «печальникъ народнаго горя» и что онъ такъ много и страстно говорилъ о горѣ народномъ, но еще дороже для меня въ немъ то, что въ великіе, мучительные и восторженные моменты своей жизни, онъ, не смотря на всѣ противоположныя вліянія и даже на собственныя убѣжденія свои, преклонялся передъ народной правдой всѣмъ существомъ своимъ, о чемъ и засвидѣтельствовалъ въ своихъ лучшихъ созданіяхъ. Вотъ въ этомъ то смыслѣ я и поставилъ его какъ пришедшаго послѣ Пушкина и Лермонтова съ тѣмъ же самымъ отчасти новымъ словомъ, какъ и тѣ (потому что «слово» Пушкина до сихъ поръ еще для насъ новое слово. Да и не только новое, а еще и не узнанное, не разобранное, за самый старый хламъ считающееся).

Прежде, чѣмъ перейду къ Некрасову, скажу два слова и о Лермонтовѣ, чтобъ оправдать то, почему я тоже поставилъ и его, какъ увѣровавшаго въ правду народную. Лермонтовъ, конечно, былъ байронистъ, но по великой своеобразной поэтической силѣ своей и байронистъ-то особенный,—какой то насмѣшливый капризный и брюзгливый, вѣчно невѣрующій даже въ собственное свое вдохновеніе, въ свой собственный байронизмъ. Но еслибъ онъ пересталъ возиться съ больною личностью русскаго интелигентнаго человѣка, мучимаго своимъ европеизмомъ, то навѣрно бы кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушкинъ, въ преклоненіи передъ народной правдой, и на то есть большія и точныя указанія. Но смерть опять помѣшала. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ стихахъ своихъ онъ мраченъ, капризенъ, хочетъ говорить правду, но чаще лжетъ и самъ знаетъ объ этомъ и мучается тѣмъ, что лжетъ, но чуть лишь онъ коснется народа, тутъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата, казака, онъ чтитъ народъ. И вотъ онъ разъ пишетъ безсмертную пѣсню о томъ какъ молодой купецъ Калашниковъ, убивъ за безчестье свое государева опричника Кирибѣевича, и призванный царемъ Иваномъ предъ грозныя его очи отвѣчаетъ ему: что убилъ онъ, государева слугу Кирибѣевича «вольной волею, а не нехотя». Помните ли вы, господа, «раба Шибанова»? Рабъ Шибановъ былъ рабъ князя Курбскаго, русскаго эмигранта 16-го столѣтія, писавшаго все къ тому же царю Ивану свои опозиціон-

ныя и почти ругательныя письма изъ-за границы, гдѣ онъ безопасно пріютился. Написавъ одно письмо, онъ призвалъ раба своего Шибанова и велѣлъ ему письмо снести въ Москву и отдать царю лично. Такъ и сдѣлалъ рабъ Шибановъ. На Кремлевской площади онъ остановилъ выходившаго изъ собора царя, окруженнаго своими приспѣшниками и подалъ ему посланіе своего господина, князя Курбскаго. Царь поднялъ жезлъ свой съ острымъ наконечникомъ, съ размаху вонзилъ его въ ногу Шибанова, оперся на жезлъ и сталъ читать посланіе. Шибановъ съ проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда сталъ потомъ отвѣчать письмомъ князю Курбскому, написалъ, между прочимъ: «Устыдися раба твоего Шибанова». Это значило, что онъ самъ устыдился раба Шибанова. Этотъ образъ русскаго «раба» должно быть поразилъ душу Лертонтова. Его Калашниковъ говоритъ царю безъ укора, безъ попрека за Кирибѣевича, говоритъ онъ, зная про вѣрную казнь, его ожидающую, царю всю правду истинную», что убилъ его любимца «вольной волею, а не нехотя». Повторяю, остался бы Лермонтовъ жить и мы бы имѣли великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а можетъ истиннаго «*печальника горя народнаго*». Но это имя досталось Некрасову...

Опять таки, я не равняю Некрасова съ Пушкинымъ, я не мѣряю аршиномъ, кто выше, кто ниже, потому что тутъ не можетъ быть ни сравненія, ни даже вопроса о немъ. Пушкинъ, по обширности и глубинѣ своего рус-

скаго генія, до сихъ поръ есть какъ солнце надъ всѣмъ нашимъ русскимъ интеллигентнымъ міровоззрѣніемъ. Онъ великій и непонятый еще предвозвѣститель. Некрасовъ есть лишь малая точка въ сравненіи съ нимъ, малая планета, но вышедшая изъ этого же великаго солнца. И мимо всѣхъ мѣрокъ: кто выше, кто ниже, за Некрасовымъ остается безсмертіе, вполнѣ имъ заслуженное, и я уже сказалъ почему—за преклоненіе его передъ народной правдой, что происходило въ немъ не изъ подражанія какого нибудь, не вполнѣ по сознанію даже, а потребностью, неудержимой силой. И это тѣмъ замѣчательнѣе въ Некрасовѣ, что онъ всю жизнь свою былъ подъ вліяніемъ людей, хотя и любившихъ народъ, хотя и печалившихся о немъ, можетъ быть, весьма искренно, но никогда не признававшихъ въ народѣ правды, и всегда ставившихъ европейское просвѣщеніе свое несравненно выше истины духа народнаго. Не вникнувъ въ русскую душу и не зная, чего ждетъ и проситъ она, имъ часто случалось желать нашему народу, со всею любовью къ нему, того, что прямо могло бы послужить къ его бѣдствію. Не они-ли въ русскомъ народномъ движеніи, за послѣдніе два года, не признали почти вовсе той высоты подъема духа народнаго, которую онъ можетъ быть въ первый разъ еще выказываетъ въ такой полнотѣ и силѣ и тѣмъ свидѣтельствуетъ о своемъ здравомъ, могучемъ и непоколебимомъ доселѣ живомъ единеніи въ одной и той же великой мысли и почти предузнаетъ самъ будущее

предназначеніе свое. И мало того, что не признаютъ правды движенія народнаго, но и считаютъ его почти ретроградствомъ, чѣмъ-то свидѣтельствующимъ о непроходимой безсознательности, о заматерѣвшей вѣками неразвитости народа русскаго. Некрасовъ же, не смотря на замѣчательный, чрезвычайно сильный умъ свой, былъ лишенъ, однако, серьезнаго образованія, по крайней мѣрѣ образованіе его было небольшое. Изъ извѣстныхъ вліяній онъ не выходилъ во всю жизнь, да и не имѣлъ силъ выйти. Но у него была своя, своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда, — это истинная, страстная, а главное непосредственная любовь къ народу. Онъ болѣлъ о страданіяхъ его всей душою, но видѣлъ въ немъ не одинъ лишь униженный рабствомъ образъ, звѣрское подобіе, но смогъ силой любви своей постичь почти безсознательно и красоту народную, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость его и даже частію увѣровать и въ будущее предназначеніе его. О, сознательно Некрасовъ могъ въ многомъ ошибаться. Онъ могъ воскликнуть въ недавно напечатанномъ въ первый разъ экспромтѣ его, съ тревожнымъ укоромъ созерцая освобожденный уже отъ крѣпостнаго состоянія народъ,

...«Но счастливъ-ли народъ»?

Великое чутье его сердца подсказало ему скорбь народную, но еслибъ его спросили: «чего-же пожелать народу и какъ это сдѣлать?», то онъ, можетъ быть, далъ бы и

весьма ошибочный, даже пагубный отвѣтъ. И ужь конечно его нельзя винить: политическаго смысла у насъ еще до рѣдкости мало, а Некрасовъ, повторяю, былъ всю жизнь подъ чужими вліяніями. Но сердцемъ своимъ, но великимъ поэтическимъ вдохновеніемъ своимъ, онъ неудержимо примыкалъ, въ иныхъ великихъ стихотвореніяхъ своихъ, къ самой сути народной. Въ этомъ смыслѣ это былъ народной поэтъ. Всякій, выходящій изъ народа, при самомъ маломъ даже образованіи, пойметъ уже много у Некрасова. Но лишь при образованіи. Вопросъ о томъ, пойметъ-ли Некрасова теперь прямо весь народъ русскій— безъ сомнѣнія, вопросъ явно немыслимый. Что пойметъ «простой народъ» въ шедеврахъ его: «Рыцарь на часъ», «Тишина», «Русскія женщины»? Даже въ великомъ «Власѣ» его, который можетъ быть понятенъ народу (но не вдохновитъ нисколько народъ, ибо все это поэзія давно уже вышедшая изъ непосредственной жизни), народъ отличитъ два-три фальшивые штриха навѣрно. Что разберетъ народъ въ одной изъ самыхъ могучихъ и самыхъ зовущихъ поэмъ его: «На Волгѣ»? Это настоящій духъ и тонъ Байрона. Нѣтъ, Некрасовъ пока еще — лишь поэтъ русской интеллигенціи, съ любовью и со страстью говорившій о народѣ и страданіяхъ его той же русской интеллигенціи. Не говорю въ будущемъ, — въ будущемъ народъ отмѣтитъ Некрасова. Онъ пойметъ тогда, что былъ когда-то такой добрый русскій баринъ, который плакалъ скорбными слезами о его народномъ горѣ и ничего лучше

и придумать не могъ, какъ, убѣгая отъ своего богатства и отъ грѣшныхъ соблазновъ барской жизни своей, приходить въ очень тяжкія минуты свои къ нему, къ народу, и въ неудержимой любви къ нему очищать свое измученное сердце,—ибо любовь къ народу у Некрасова была лишь *исходомъ его собственной скорби по себѣ самомъ*...

Но прежде, чѣмъ разъясню: какъ понимаю я эту «собственную скорбь» дорогого намъ усопшаго поэта по себѣ самомъ,—не могу не обратить вниманія на одно характерное и любопытное обстоятельство, обозначившееся почти во всей нашей газетной прессѣ, сейчасъ послѣ смерти Некрасова, почти во всѣхъ статьяхъ, говорившихъ о немъ.

III.

Поэтъ и гражданинъ. Общіе толки о Некрасовѣ, какъ о человѣкѣ.

Всѣ газеты, чуть только заговаривали о Некрасовѣ, по поводу смерти и похоронъ его, чуть только начинали опредѣлять его значеніе, какъ тотчасъ-же и прибавляли, всѣ безъ изъятія, нѣкоторыя соображенія о какой-то «практичности» Некрасова, о какихъ-то недостаткахъ его, порокахъ даже, о какой-то двойственности въ томъ образѣ, который онъ намъ оставилъ о себѣ. Иныя газеты лишь

намекали на эту тему чуть-чуть, въ какихъ нибудь двухъ строкахъ, но важно то, что все таки намекали, видимо по какой-то даже необходимости, которой избѣжать не могли. Въ другихъ же изданіяхъ, говорившихъ о Некрасовѣ обширнѣе, выходило и еще страннѣе. Въ самомъ дѣлѣ: не формулируя обвиненій въ подробности и какъ бы избѣгая того, отъ глубокой и искренней почтительности къ покойному, они все таки пускались... оправдывать его, такъ что выходило еще непонятнѣе. «Да въ чемъ же вы оправдываете?» срывался невольно вопросъ; если знаете что, то прятаться нечего, а мы хотимъ знать, нуждается-ли еще онъ въ оправданіяхъ нашихъ? Вотъ какой зажигался вопросъ. Но формулировать не хотѣли, а съ оправданіями и съ оговорками спѣшили, какъ будто желая поскорѣе предупредить кого-то, и, главное, опять таки,—какъ будто и не могли никакъ избѣжать этого, хотя-бы, можетъ быть, и хотѣли того. Вообще, чрезвычайно любопытный случай, но если вникнуть въ него, то и вы, и всякій, кто бы вы ни были, несомнѣнно придете къ заключенію, чуть лишь размыслите, что случай этотъ совершенно нормальный, что, заговоривъ о Некрасовѣ, какъ о поэтѣ, дѣйствительно никакъ нельзя миновать говорить о немъ, какъ и о лицѣ, потому что въ Некрасовѣ поэтъ и гражданинъ—до того связаны, до того оба не объяснимы одинъ безъ другого, и до того, взятые вмѣстѣ, объясняютъ другъ друга, что, заговоривъ о немъ какъ о поэтѣ, вы даже невольно переходите къ граждa-

нину и чувствуете, что какъ бы принуждены и должны это сдѣлать и избѣжать не можете.

Но что же мы можемъ сказать, и что именно мы видимъ? Произносится слово «практичность», т. е.. умѣніе обдѣлывать свои дѣла, но и только, а за тѣмъ спѣшатъ съ оправданіями «онъ де страдалъ, онъ съ дѣтства былъ заѣденъ средой», онъ вытерпѣлъ еще юношей въ Петербургѣ, безпріютнымъ, брошеннымъ, много горя, а слѣдственно и сдѣлался «практичнымъ». (т. е. какъ будто и не могъ ужь не сдѣлаться). Другіе идутъ даже дальше и намекаютъ, что безъ этой то вѣдь «практичности» Некрасовъ пожалуй и не совершилъ бы столь явно полезныхъ дѣлъ на общую пользу, напр., совладалъ съ изданіемъ журнала и проч. и проч. Что же, для хорошихъ цѣлей оправдывать стало быть дурныя средства? И это говоря о Некрасовѣ-то, человѣкѣ, который потрясалъ сердца, вызывалъ восторгъ и умиленіе къ доброму и прекрасному стихами своими. Конечно, все это говорится, чтобъ извинить, но мнѣ кажется, Некрасовъ не нуждается въ такомъ извиненіи. Въ извиненіяхъ на подобную тему всегда заключается какъ бы нѣчто принизительное, и какъ бы затемняется и умаляется образъ извиняемаго чуть не до пошлыхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тѣмъ какъ бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чуть не необходима. А если такъ, то совершенно приходится прими-

риться съ образомъ человѣка, который сегодня бьется о плиты роднаго храма, кается, кричитъ: «я упалъ, я упалъ». И это, въ безсмертной красоты стихахъ, которые онъ въ ту же ночь запишетъ, а на завтра, чуть пройдетъ ночь и обсохнутъ слезы, и опять примется за «практичность», потому де что она, мимо всего другого— *и необходима.* Да чтоже тогда будутъ означать эти стоны и крики, облекшіеся въ стихи? Искусство для искусства не болѣе и даже въ самомъ пошломъ его значеніи, потому что онъ эти стихи самъ похваливаетъ, самъ на нихъ любуется, ими совершенно доволенъ, ихъ печатаетъ, на нихъ разсчитываетъ: придадутъ дескать блескъ изданію, взволнуютъ молодыя сердца. Нѣтъ, если все это оправдывать, да не разъяснивъ, то мы рискуемъ впасть въ большую ошибку и порождаемъ недоумѣніе, и на вопросъ: «кого вы хороните»? мы, провожавшіе гробъ его, принуждены-бы были отвѣтить, что хоронимъ «самаго яркаго представителя искусства для искусства, какой только можетъ быть». Ну, а было-ли это такъ? Нѣтъ, *во истину это не было такъ*, а хоронили мы во истину «печальника народнаго горя» и вѣчнаго страдальца о себѣ самомъ, вѣчнаго, неустаннаго, который никогда не могъ успокоить себя, и самъ съ отвращеніемъ и самобичеваніемъ отвергалъ дешовое примиреніе.

Нужно выяснить дѣло, выяснить искренно и безпристрастно, и что выяснится, то принять какъ оно есть, не смотря ни на какое лицо и ни на какія дальнѣйшія

соображенія. Тутъ надо именно выяснить всю суть по возможности, чтобы какъ можно точнѣе добыть изъ выясненій фигуру покойнаго, лицо его; такъ наши сердца требуютъ, для того, чтобъ не оставалось у насъ о немъ ни малѣйшаго такого недоумѣнія, которое невольно чернитъ память, оставляетъ нерѣдко и на высокомъ образѣ недостойную тѣнь.

Самъ я зналъ «практическую жизнь» покойника мало, а потому приступить къ анекдотической части дѣла не могу, но еслибъ и могъ, то не хочу, потому что прямо окунусь въ то, что самъ признаю сплетнею. Ибо я твердо увѣренъ (и прежде былъ увѣренъ), что изъ всего, что разсказывали про покойнаго, покрайней мѣрѣ половина, а можетъ быть и всѣ три четверти—чистая ложь. Ложь, вздоръ и сплетни. У такого характернаго и замѣчательнаго человѣка, какъ Некрасовъ,—не могло не быть враговъ. А то, что дѣйствительно было, что въ самомъ дѣлѣ случалось,—то не могло тоже не быть подъ часъ преувеличено. Но принявъ это, все-таки увидимъ, что нѣчто все таки остается. Что же такое? Нѣчто мрачное, темное и мучительное безспорно, потому что—что же означаютъ тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признанія, что «онъ упалъ», эта страстная исповѣдь передъ тѣнью матери? Тутъ самобичеваніе, тутъ казнь? Опять таки въ анекдотическую сторону дѣла вдаваться не буду, но думаю, что суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта какъ-бы предсказана имъ

же самимъ, еще на зарѣ дней его, въ одномъ изъ самыхъ первоначальныхъ его стихотвореній, набросанныхъ, кажется, еще до знакомства съ Бѣлинскимъ (и потомъ ужь позднѣе обдѣланныхъ и получившихъ ту форму, въ которой явились они въ печати). Вотъ эти стихи:

Огни зажигались вечерніе,
Вылъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
Когда изъ Полтавской губерніи
Я въ городъ столичный входилъ.
Въ рукахъ была палка предлинная
Котомка пустая на ней,
На плечахъ шубенка овчинная,
Въ карманѣ пятнадцать грошей.
Ни денегъ, ни званья, ни племени,
Малъ ростомъ и съ виду смѣшонъ,
Да сорокъ лѣтъ минуло времени.—
Въ карманѣ моемъ милліонъ,

Милліонъ—вотъ демонъ Некрасова! Чтожь, онъ любилъ такъ золото, роскошь, наслажденія, и чтобы имѣть ихъ, пускался въ «практичности»? Нѣтъ, скорѣе это былъ другого характера демонъ; это былъ самый мрачный и унизительный бѣсъ. Это былъ демонъ гордости, жажды, самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердой стѣной и независимо, спокойно смотрѣть на ихъ злость, на ихъ угрозы. Я думаю, этотъ демонъ присосался еще къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, очутившагося на петербургской мостовой, почти бѣжавшаго отъ отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотѣла, войти въ со-

глашеніе съ этой чуждой толпою людей не желала. Не то, чтобы невѣріе въ людей закралось въ сердце его такъ рано, но скорѣе скептическое и слишкомъ раннее (а стало быть и ошибочное) чувство къ нимъ. Пусть они не злы, пусть они не такъ страшны, какъ объ нихъ говорятъ (навѣрно думалось ему), но они, всѣ, все-таки слабая и робкая дрянь, а потому и безъ злости погубятъ чуть-лишь дойдетъ до ихъ интереса. Вотъ тогда-то и начались можетъ быть мечтанія Некрасова, можетъ быть и сложились тогда же на улицѣ стихи: «въ карманѣ моемъ милліонъ».

Это была жажда мрачнаго, угрюмаго объединеннаго самообезпеченія, чтобы уже не зависѣть ни отъ кого. Я думаю, что я не ошибаюсь, я припоминаю кое-что изъ самаго перваго моего знакомства съ нимъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось всю потомъ жизнь. Но, этотъ демонъ все же былъ низкій демонъ. Такого-ли *самообезпеченія* могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная такъ отзываться на все святое и непокидавшая вѣры въ него. Развѣ такимъ самообезпеченіемъ ограждаютъ себя столь одаренныя души? такіе люди пускаются въ путь босы и съ пустыми руками и на сердцѣ ихъ ясно и свѣтло. Самообезпеченіе ихъ не въ золотѣ. Золото— грубость, насиліе, деспотизмъ! Золото можетъ казаться обезпеченіемъ именно той слабой и робкой толпѣ, которую Некрасовъ самъ презиралъ. Неужели картины насилія и потомъ жажда сластолюбія и разврата могли ужиться въ такомъ сердцѣ, въ сердцѣ человѣка, который

самъ бы могъ воззвать къ иному: «брось все, возьми посохъ свой и иди за мной»,

Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Но демонъ осилилъ, и человѣкъ остался на мѣстѣ, и никуда не пошелъ.

За то и заплатилъ страданіемъ, страданіемъ всей жизни своей. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ лишь стихи, но что мы знаемъ о внутренней борьбѣ его съ своимъ демономъ, борьбѣ, несомнѣнно мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я и не говорю уже о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онъ объ нихъ не публиковалъ, но они несомнѣнно были, люди уже начинаютъ свидѣтельствовать объ гуманности, нѣжности этой «практичной» души. Г. Суворинъ уже публиковалъ нѣчто; я увѣренъ, что обнаружится много и еще добрыхъ свидѣтельствъ,—не можетъ быть иначе. «О, скажутъ мнѣ, вы тоже вѣдь оправдываете, да еще дешевле нашего». Нѣтъ, я не оправдываю я только разъясняю и добился того, что могу поставить вопросъ,—вопросъ окончательный и всеразрѣшающій.

IV.

Свидѣтель въ пользу Некрасова.

Еще Гамлетъ дивился на слезы актера, декламировавшаго свою роль и плакавшаго о какой-то Гекубѣ:

«что ему Гекуба»? спрашивалъ Гамлетъ. Вопросъ предстоитъ прямой: былъ ли нашъ Некрасовъ такой же самый актеръ, т. е. способный *искренно* заплакать о себѣ и о той святынѣ духовной, которой самъ лишалъ себя, излить затѣмъ скорбь свою (настоящую скорбь!) въ безсмертной красотѣ стихахъ и на завтра же способный дѣйствительно утѣшиться... этой красотою стиховъ. Красотою стиховъ и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стиховъ, какъ на «практическую» же вещь, способную доставить прибыль, деньги, славу и употребить эту вещь, въ этомъ смыслѣ? Или, напротивъ того, скорбь пота не проходила и послѣ стиховъ, неудовлетворялась ими; красота ихъ, сила въ нихъ выраженная, угнетала и мучила его самого, и если, будучи не въ силахъ совладать съ своимъ вѣчнымъ демономъ, съ страстями, побѣдившими его на всю жизнь, онъ и опять падалъ, то спокойно-ли примирялся съ своимъ паденіемъ, не возобновлялись-ли его стоны и крики еще сильнѣе въ тайныя святыя минуты покаянія,—повторялись-ли, усиливались-ли въ сердцѣ его съ каждымъ разомъ такъ, что самъ онъ наконецъ могъ видѣть ясно, чего стоитъ ему его демонъ, и какъ дорого заплатилъ онъ за тѣ блага, которыя получилъ отъ него. Однимъ словомъ, если онъ и могъ *примириться* моментально съ демономъ своимъ, и даже самъ могъ пускаться оправдывать «практичность» свою въ разговорахъ съ людьми, то оставалось-ли такое примиреніе и успокоеніе навѣчно, или, напротивъ улетало мгновенно

изъ сердца, оставляя по себѣ еще жгуче боль, стыдъ и угрызенія? Тогда, — еслибъ только можно было рѣшить этотъ вопросъ,—тогда намъ чтожь-бы оставалось? Оставалось бы только осудить его за то, что, будучи не въ силахъ совладать съ соблазнами своими, онъ не покончилъ съ собой, напримѣръ, какъ тотъ древній печерскій многострадалецъ, который, тоже будучи не въ силахъ совладать съ зміемъ страсти, его мучившей, закопалъ себя по поясъ въ землю и умеръ, если не изгнавъ своего демона, то ужь конечно побѣдивъ его. Въ такомъ случаѣ мы сами, т. е. каждый изъ насъ, очутились-бы въ унизительномъ и комическомъ положеніи, еслибъ осмѣлились брать на себя роль судей, произносящихъ такіе приговоры. Тѣмъ не менѣе поэтъ, который самъ написалъ о себѣ:

Поэтомъ можешь ты не быть
Но гражданиномъ быть обязанъ,

тѣмъ самымъ какъ бы и призналъ надъ собой судъ людей, какъ «гражданъ». Какъ лицамъ намъ бы конечно было стыдно судить его. Сами то мы каковы, каждый то изъ насъ? Мы только не говоримъ лишь о себѣ вслухъ, и прячемъ нашу мерзость, съ которою вполнѣ миримся, внутри себя. Поэтъ плакалъ, можетъ быть, о такихъ дѣлахъ своихъ, отъ которыхъ мы бы и не поморщились, еслибъ совершили ихъ. Вѣдь мы знаемъ о паденіяхъ его, о демонѣ его изъ его же стиховъ. Но не было бы этихъ стиховъ, которые онъ въ покаянной искренности своей

не убоялся огласить, то и все, что говорилось о немъ, какъ о человѣкѣ, о «практичности» его и о прочемъ — все это умерло бы само собою, и стерлось бы изъ памяти людей, понизилось бы прямо до сплетни, такъ что всякое оправданіе его оказалось бы вовсе и не нужнымъ ему. Замѣчу кстати, что для практическаго и столь умѣющаго обдѣлывать дѣла свои человѣка, дѣйствительно, не практично было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а стало быть онъ, можетъ быть, вовсе былъ не столь практиченъ, какъ иные утверждаютъ о немъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, на судъ гражданъ онъ долженъ идти, ибо самъ призналъ этотъ судъ. Такимъ образомъ, еслибъ тотъ вопросъ, который поставился у насъ выше: удовлетворялся ли поэтъ стихами своими, въ которые облекалъ свои слезы и примирялся ли съ собою до того спокойствія, которое опять позволяло ему пускаться съ легкимъ сердцемъ въ «практичность», или же напротивъ того—примиренія бывали лишь моментальныя, такъ что онъ самъ презиралъ себя, можетъ быть, за позоръ ихъ, потомъ мучился еще горче и больше, и такъ во всю жизнь,—еслибъ этотъ вопросъ, повторяю, могъ бы быть разрѣшенъ въ пользу втораго предположенія, то ужь конечно тогда мы бы тотчасъ могли примириться и съ «гражданиномъ» Некрасовымъ, ибо собственныя страданія его очистили бы передъ нами вполнѣ нашу память о немъ. Разумѣется, тутъ сейчасъ является возраженіе: если вы не въ силахъ разрѣшить такой вопросъ (а кто мо-

жетъ его разрѣшить?), то и ставить его не надо было. Но въ томъ то и дѣло, что его можно разрѣшить. Есть свидѣтель, который можетъ его разрѣшить. Этотъ свидѣтель — народъ.

То есть любовь его къ народу! И во первыхъ, для чего бы «практическому» человѣку такъ увлекаться любовью къ народу. Всякій занятъ своимъ дѣломъ: одинъ практичностью, другой печалью по народѣ. Ну, положимъ, прихоть, такъ вѣдь поигралъ и отсталъ. А. Некрасовъ не отставалъ во всю жизнь. Скажутъ: народъ для него — это таже «Гекуба», предметъ слезъ, облеченныхъ въ стихи и дающихъ доходъ. Но я уже не говорю о томъ, что трудно до того поддѣлать такую искренность любви, какая слышится въ стихахъ Некрасова (объ этомъ споръ можетъ быть безконечный), но я о томъ только скажу, что мнѣ ясно, почему Некрасовъ такъ любилъ народъ, почему его такъ тянуло къ нему въ тяжелыя минуты жизни, почему онъ шелъ къ нему и что находилъ у него. Потому, какъ сказалъ я выше, что любовь къ народу была у Некрасова, какъ бы *исходомъ его собственной скорби по себѣ самомъ*. Поставьте это, примите это — и вамъ ясенъ весь Некрасовъ, и какъ поэтъ и какъ гражданинъ. Въ служеніи сердцемъ своимъ и талантомъ своимъ народу онъ находилъ все свое очищеніе передъ самимъ собой. Народъ былъ настоящею внутреннею потребностію его не для однихъ стиховъ. Въ любви къ нему онъ находилъ свое оправданіе. Чувствами своими къ народу онъ возвышалъ духъ свой. Но что главное, это то,

что онъ не нашелъ предмета любви своей, между людей, окружавшихъ его, или въ томъ, что чтутъ эти люди и предъ чѣмъ они преклоняются. Онъ отрывался напротивъ отъ этихъ людей и уходилъ къ оскорбленнымъ, къ терпящимъ, къ простодушнымъ, къ униженнымъ, когда нападало на него отвращеніе къ той жизни, которой онъ минутами слабодушно и порочно отдавался; онъ шелъ и бился о плиты бѣднаго сельскаго роднаго храма и получалъ исцѣленіе. Не избралъ-бы онъ себѣ такой исходъ, *еслибъ не вѣрилъ въ него.* Въ любви къ народу онъ находилъ нѣчто незыблемое, какой-то незыблемый и святой исходъ всему, что его мучило. А если такъ, то стало быть и не находилъ ничего святѣе, незыблемѣе, истиннѣе, передъ чѣмъ преклониться. Не могъ же онъ полагать все самооправданіе лишь въ стишкахъ о народѣ. А коли такъ, то стало быть и онъ преклонялся передъ *правдой народною.* Если не нашелъ ничего въ своей жизни болѣе достойнаго любви, какъ народъ, то стало быть призналъ и *истину народную,* и *истину въ народѣ*, и что истина есть и сохраняется лишь въ народѣ. Если не вполнѣ сознательно, не въ убѣжденіяхъ признавалъ онъ это, то сердцемъ признавалъ, неудержимо, неотразимо. Въ этомъ порочномъ мужикѣ, униженный и унизительный образъ котораго такъ его мучилъ, онъ находилъ стало быть и что-то истинное и святое, что не могъ не почитать, на что не могъ не отзываться всѣмъ сердцемъ своимъ. Въ этомъ смыслѣ я и поставилъ его, говоря выше

объ его литературномъ значеніи, тоже въ разрядъ тѣхъ, которые признавали правду народную. Вѣчное же исканіе этой правды, вѣчная жажда, вѣчное стремленіе къ ней свидѣтельствуютъ явно, повторяю это, о томъ, что его влекла къ народу внутренняя потребность, потребность высшая всего, и что стало быть потребность эта не можетъ не свидѣтельствовать и о внутренней, всегдашней, вѣчной тоскѣ его, тоскѣ не прекращавшейся, не утолявшейся никакими хитрыми доводами соблазна, никакими порадоксами, никакими практическими оправданіями. А если такъ, то онъ стало быть страдалъ всю свою жизнь... И какіе же мы судьи его послѣ того? Если и судьи, то не обвинители.

Некрасовъ есть русскій историческій типъ, одинъ изъ крупныхъ примѣровъ того, до какихъ противорѣчій и до какихъ раздвоеній, въ области нравственной и въ области убѣжденій, можетъ доходить русскій человѣкъ въ наше печальное, переходное время. Но этотъ человѣкъ остался въ нашемъ сердцѣ. Порывы любви этого поэта такъ часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремленіе же его къ народу столь высоко, что ставитъ его какъ поэта на высшее мѣсто. Что же до человѣка, до гражданина, то опять таки, любовью къ народу и страданіемъ по немъ, онъ оправдалъ себя самъ, и многое искупилъ, если и дѣйствительно было, что искупить...

Ѳ. Достоевскій.

Дневникъ писателя, № 12. 1877 г.)

Милостивый Государь,

Сергѣй Павловичъ!

Мнѣ пришлось присутствовать на похоронахъ Н. А. Некрасова, и меня поразило множество и разнообразіе публики, собравшейся воздать послѣднюю дань уваженія покойному поэту. То обстоятельство, что въ многотысячной толпѣ находились люди всѣхъ общественныхъ классовъ, безспорно служитъ доказательствомъ популярности покойнаго, но причины общественныхъ симпатій къ поэту до сихъ поръ не выяснены въ нашей печати. Все, что я прочиталъ по поводу поэзіи Некрасова, является или не достаточно характернымъ, или утрированнымъ, и, по моему мнѣнію, значеніе поэзіи Н. А. всего лучше выражено въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ при гробѣ покойнаго. По своему правильному взгляду на нравственное значеніе пѣсенъ Некрасова, эта рѣчь вполнѣ заслуживаетъ мѣста въ Вашемъ сборникѣ, и я счелъ своей обязанностью сообщить ее вамъ въ томъ видѣ,

какъ успѣлъ записать ее и сохранить въ моей памяти. Сколько мнѣ извѣстно, она еще нигдѣ не обнародована.

При послѣднемъ прощаніи съ почившимъ, говорилъ ораторъ, невольно вспоминаются изрѣченія Спасителя: «кто возлюбилъ много, тому много и простится грѣховъ», и «претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ». Почившій терпѣливо переносилъ страданія своей жизни, съ вѣрою и надеждою дѣлилъ горе и страданія своихъ ближнихъ, страданія цѣлаго русскаго общества. Онъ проникался этими страданіями въ такой степени, что сдѣлался способнымъ выражать самые разнообразные виды ихъ и въ своихъ поэтическихъ образахъ возсоздавалъ и самое тяжелое горе, и самую задушевную затаенную печаль. Но страдальческая пѣсня покойнаго поэта была отнюдь не пѣснью отчаянія и безнадежности. Его горемычная пѣсня не ослабляетъ силъ страдальца, не подавляетъ его тяжестью невыносимой бѣды, не убиваетъ его горемъ. Въ его выразительно сильныхъ, своеобразныхъ звукахъ громко раздаются могучіе тоны беззавѣтной надежды пѣвца, вѣры въ истину, добро и правду; пѣсня его — пѣсня горя, соединеннаго съ вѣрою и надеждою. Изливаясь терзаніями страдальческой души, пѣсня покойнаго будитъ въ страдальцѣ бодрость, стойкость, терпѣніе, всепрощеніе, любовь, надежду и вѣру въ истину, правду и добро, въ чемъ несомнѣнно заключается несокрушимый залогъ вѣчнаго значенія въ нашемъ отечествѣ произведеній покойнаго. Въ пѣсняхъ покойнаго изливались страдальческія думы и

чувства не одного какого нибудь человѣка, не одного какого нибудь класса народа, состоянія или общества, а страданіе и горе всего нашего общества, думы и чувства всѣхъ и каждаго изъ насъ, бѣду и горе испытавшихъ. По этому-то покойный и дорогъ всѣмъ намъ, русскимъ; онъ нашъ общій народный поэтъ; онъ страдалъ страданіями каждаго изъ насъ и выражалъ наши скорби въ своихъ звучныхъ стихахъ гораздо лучше, чѣмъ мы можемъ выразить наше собственное горе слезами, жалобами, рыданіями и воплями. Какъ истинно русскій поэтъ и какъ членъ православной русской церкви, покойный зналъ, гдѣ находятъ облегченіе, отраду и спасеніе изнывающія отъ бѣдъ наши сердца, гдѣ изливается русское горе; сознавалъ и понималъ значеніе великой народной святыни русской, нашей отечественной, православной церкви. Онъ пѣлъ:

Я вижу тебя, Божій домъ.
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ крестомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ старикъ
На свою колокольню руину...
Поднимись! и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Церкви звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околодкѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій-ли путникъ ночной

Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Изобразивъ художественно въ приведенныхъ словахъ значеніе церкви въ русской народной жизни, покойный выразилъ этимъ мысль и своихъ отношеній къ ней. Далѣе обращаясь къ своей матери:

Всю ты жизнь прожила для другихъ...
Грудью своей защищая любимыхъ дѣтей,
За враговъ умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала

покойный продолжаетъ:

Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Изреки только слово прощенія!

Въ этихъ словахъ покойный съ покаяніемъ проситъ себѣ прощенія! Ты просишь прощенія? заключилъ ораторъ. Твои мольбы и страданія примиряютъ съ тобою. Твоя любовь къ другимъ покрываетъ тебя. Православная церковь памятуетъ слова искупителя: кто возлюбилъ много, тому много и простится; претерпѣвшій до конца спасенъ

будетъ. Церковь, какъ общество, всегда хранитъ вѣру въ свою неувядаемую будущность, которая представлялась тебѣ въ твоихъ поэтическихъ видѣніяхъ и съ православнымъ русскимъ обществомъ не перестанетъ пѣть тебѣ вѣчную память!

Представляя все здѣсь изложенное вашему усмотрѣнію и въ ваше распоряженіе, прошу принять мое увѣреніе въ совершенномъ уваженіи,

Одинъ изъ бывшихъ на похоронахъ.

С.-Петербургъ, 29 Января 1878 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

От издателей 5

*** **Я. П. Полонскаго** (Пчела, № 2, 1878) 7

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. **А. Михайлова.** (Русскіе Соврем. Дѣятели Т. II) 9

Болѣзнь и послѣдніе дни жизни Н. А. Некрасова. **Д-ра П. Бѣлоголоваго.** (Нов. Вр., № 661) 23

Похороны Н. А. Некрасова (Нов. вр., № 661) 27

Надъ могилой Некрасова. **Александра Аресньева.** (Пчела, № 2, 1878) 31

стр.

Недѣльные очерки и картинки. **Незнакомца.** (Нов. Вр., № 662) 33

Букинистъ и Библіографъ. **Некрасова.** (Нов. Вр., № 662). 54

Кому жить на Руси хорошо. **Г. Успенскаго.** (Пчела, № 2, 1878) 56

Комнаты Н. А. Некрасова. **Н. Гайдебурова.** (Недѣля, № 1) 59

Памяти Н. А. Некрасова. **Л. Мальшина.** (Будильникъ, № 2, 1878) 67

Письма изъ Петербурга. (Рижскій Вѣстникъ, № 27, 1878) . . 70

По Россіи. (Кіевскій Листокъ, № 1, 1878) 72

Н. А. Некрасовъ. (Кіевлянинъ, № 4. 1878) 73

Н. А. Некрасовъ. (Кіевскій Листокъ, № 3, 1878) 75

Некрасовъ, какъ поэтъ. **S. S.** (Правда, № 2, 1878) 77

Н. А. Некрасовъ. (Обзоръ, № 2, 1878) 93

*** (Одесскій Вѣстникъ, № 2, 1878) 104

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. (Елисаветградскій Вѣстникъ, № 2, 1878) 107

I. Смерть Некрасова. О томъ, что сказано на его могилѣ. **Ѳ. Достоевскаго.** (Дневникъ Писателя, № 12, 1870). 110

II. Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ. **Его же** 116

стр.

III. Поэтъ и Гражданинъ. Общіе толки о Некрасовѣ, какъ о человѣкѣ. **Его же** 129

IV. Свидѣтель въ пользу Некрасова. **Его же** 136

Письмо къ издателю. (Рѣчь о. Горчакова). **Одного изъ бывшихъ на похоронахъ** 141

Д-1

45
ми | 82-475 0 25-
8300/781
30-